

Н А Т А Л Ь Я

АНДРЕЕВА

АНГАРД!

★ Э Р А С Т Р Е Л Ь Ц А ★

Наталья Вячеславовна Андреева

Ангард!

Серия «Эра Стрельца», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=650515
Ангард! : роман / Наталья Андреева: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106895-0

Аннотация

В юности так просто давать клятвы: в верности, в любви, в вечной дружбе. Особенно если в руках у тебя шпага и только что выигран Кубок командного первенства Москвы среди юношей. Четыре шпажиста, четыре мушкетера клянутся братством Кубка, что и через двадцать лет не оставят друг друга в беде. Как быстро летит время... И вот они уже не мушкетеры... а успешный бизнесмен, знаменитый режиссер, малоизвестный актер и никому не известный писатель. Верный муж, трижды разведенный искатель счастья, повеса и убежденный холостяк. Жизнь жестока, она сталкивает их лбами, заставляя делить кого деньги, кого славу, а кого женщину. И шпага для них уже не спортивный снаряд, а боевое оружие. Когда тебе в лицо бросают «подлец», ответ один: защищайся! Ангард! И главный в жизни бой, там, где разыгрываются не очки, а жизнь и смерть, может проиграть даже чемпион. Новая редакция ранее выходившего романа под одноименным названием «Ангард!».

Содержание

Братство Кубка	5
Двадцать лет спустя	18
Фраза первая	19
Фраза вторая	70
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Наталья Андреева

Ангард!

В фехтовании: занять позицию, пригодную для боя

Братство Кубка

Сверкающий зеркалами огромный зал, чем-то похожий на зал для бальных танцев. Но вместо людей в серебристые стекла печально смотрятся манекены. Чучела для отработки боевых ударов. Разглядывают зияющие раны: несчастные истерзаны безжалостными клинками. Ответить они не могут, закрыться от ударов тоже. Остается лишь грустно глядеться в зеркало и оценивать потери. Сколько еще осталось красоваться им в этом зале, пока не выкинут на свалку?

Здесь пока тихо. Но стоит войти посвященному, прикрыть глаза и прислушаться, как в ушах зазвучит фонограмма, потом раздастся характерный суховато-металлический звук скрещенных клинков и отчаянные, яростные крики сражающихся. И рокот ног. Именно рокот, как у лавины, идущей с гор, потому что пары фехтовальщиков кружатся в замысловатом танце: каждый пытается поразить соперника. Гул нарастает по мере того, как накаляется схватка. Лавина неудержима. Миг – и она накрывает с головой. Удар – и крик отчаяния или восторга:

– Получилось! У нас получилось! Ура!!!

В зал врывается четверка парней. У того, кто идет первым, в одной руке хрустальная то ли салатница, то ли ваза для конфет, а в другой – бутылка дешевого красного вина. Парень невысок ростом, тонок и гибок, как хлыст, у него смуглое

лицо, темные волосы, узкие губы. Карие глаза горят, словно жгут. Получилось!

– Мы это сделали, парни! *C'est superbe! C'est magnifique!*

– Чего-чего? – удивленно смотрят на него друзья.

– Супер, говорю! Великолепно!

– Так бы сразу и сказал! А то: манифик!

Смуглолицый юноша торжественно ставит на пол «салатницу» и протягивает бутылку другу: «На, открывай!». Самый высокий из четверки, мощный, широкий в плечах, и сильный, как Геракл, парень недовольно мнетя:

– Женька, ты чего? А спортивный режим?

– За победу надо выпить.

– И чем же я ее открою?

– А вот этим, – хорошенький, как херувим, парнишка с льяными кудрями, хихикая, протягивает шпагу. – Давай, Петька! Протолкни клинком пробку внутрь, и...

– Никогда этим не занимался, – бормочет тот, пытаюсь проткнуть острием пробку. – О, черт! Так и порезаться можно!

Четвертый молчит, внимательно наблюдая за манипуляциями друзей с бутылкой. Только что четверка шпажистов выиграла командное первенство города среди юношей. В составе: Евгений Рошин, Петр Воловой, Валерий Белкин и Ролан Самарин. Все десятиклассники, из разных школ, все – члены спортивного клуба «Рапира». Да здравствует оный и славится во веки веков! Кроме того, Женька Рошин выиграл

индивидуальное первенство. И успел уже раздобыть где-то бутылку вина. Такой успех надо отметить.

– Фу-у... Проскочила.

Явный лидер четверки, Роцин почти до краев наполняет вином хрустальную «салатницу». И первым подносит ее ко рту. Ему можно. Он – чемпион.

– Ну, за дружбу!

– И за победу, – добавляет Валерик Белкин, тот самый голубоглазый херувим.

– За победу.

Роцин пьет. Потом протягивает кубок Петьке Воловому. По прозвищу, разумеется, Вол. Тот медленно, словно нехотя, подносит «салатницу» к губам...

...Проиграл. В полуфинале проиграл Роцину. В итоге – лишь третье место. Петя – любимец тренера. У того два прозвища. Деликатное – Француз. Для чужих ушей и для родителей учеников. А меж собой ученики зовут своего тренера Дрыном, за высокий рост и худобу. Дрыну уже под шестьдесят. В молодости он был неплохим фехтовальщиком, о чем свидетельствуют старые фотографии и многочисленные кубки, но на международных соревнованиях громких побед не имел. Недостигаемой мечтой Француза-Дрына было выиграть чемпионат Европы, а потом и Мира! А теперь Дрын мечтает воспитать Дрына-2. Такого же длиннорукого фехтовальщика – чемпиона, который воплотит его заветную мечту в жизнь. Его «коньки» – контратаки в отступлении и ремиз

(продолжение атаки). Меж тем возраст уже критический. Скоро Дрын выходит на пенсию. Петька Воловой – последняя его надежда, и старый тренер это понимает. Но...

– Петя! Огонька в тебе нет! Задора нет. Наслаждайся поединком! Наслаждайся. А ты работаешь на дорожке. Опять Женьке Рощину проиграл! А он ниже тебя на целую голову! Где твоя длинная рука? Почему не работает?

– Женька флешами сыплет и сыплет. Как из ведра. Я теряюсь. Видали, как он меня сделал? Его знаменитый флеш! Опустился на колено, шпагу вниз, и снизу вверх – укол! Красиво и эффективно!

– Рощин – мастер импровизации, – с сожалением сказал тогда старый тренер. – Вот ты, Петя. Ты работаешь на дорожке. А Рощин... Рощин творит.

– Скажите, а за что вы его так не любите?

...Следующим кубок берет Валерик Белкин. Тот пьет долго, с наслаждением. Паренек есенинского типа, писанный красавец: льняные кудри, синие глаза. А по натуре рубаха-парень. Веселый, разбитной, любитель покуражиться, и такой же на дорожке. Отступление презирает, только вперед! Вперед и в открытую. Дрын говорит, что Белкин прост, как грабли. Он в четверке шпажистов – слабое звено. Первый командный бой был его, и Белкин безнадежно проиграл. Но переделать его невозможно. Заставить Валерика хоть ненадолго уйти в защиту? Да куда там! Девочки ведь смотрят! А девочки любят эффектные выпады. И даже когда Белкин

проигрывает (а проигрывает он практически всегда), болеют только за него.

«Валерик! Валерик! Да-ва-ай!!!» Белкин жмурится от удовольствия. Вино и девочки. Сейчас вино, вечером будут девочки...

– Все, хватит, – дергает его за рукав Самарин. – Прервись.

Ролан Самарин. Предпочитает, чтобы его звали Ромой. Рома Самарин. Имя, записанное в паспорте, он презирует. Считает дурацким и очень смешным. Когда друзья хотят его задеть, или разозлить как следует, называют Роланом.

Самарин – мастер тактики. В шутку друзья даже называют его «гроссмейстером». Его фехтовальные фразы витиеваты до крайности. Словно многоходовые шахматные комбинации. Длинные завязки, замысловатые репризы, и редкие туше (укол-удар). Самарин может плести кружева на дорожке долго-долго. Пока терпение противника не иссякнет. И у «гроссмейстера» есть существенный недостаток. Настолько существенный, что тренер считает Рому безнадежным для фехтования. Самарин не умеет незаметно вытягивать руку перед уколом. Ведь чем незаметнее вытянешь руку – тем вернее поразишь противника. Это азбука фехтования.

Рука же Ромы перед уколом произвольно делает корявый замах. Настолько корявый, что противник легко читает – «иду атаковать». И тут же контратакует, либо берет защиту. И – все. Наша песня хороша, начинай сначала. Потому Самарин и не колет, плетет кружева на дорожке. Плетет и плетет.

Сегодня в финале ему повезло. Противник попался слабый. Видел, все видел и корявый замах засек. Но контратаковал невыразительно, защищался слабо. В итоге перед решающей схваткой была ничья. Ничья по уколам. А в последнем бою Женька Роцин противнику шансов не оставил...

– Эх, хорошо!

Роцин во весь рост вытягивается на сваленных в углу матах. Тонкий, смуглый, гибкий, словно стальной клинок, всегда заряженный на победу. Даже сейчас готов по команде «Алле!» вскочить и кинуться в бой. Женька мечтательно смотрит в потолок. На улице весна. Воздух, как молодое вино, пьянит мгновенно, с первого глотка. Скоро начнутся выпускные экзамены, а там – взрослая жизнь. Все дороги перед тобой открыты. Кажется, что открыты. А на самом деле?..

Выпив вина, парни слегка захмелели. Языки развязались.

– Женька, ну ты как? – пристально глянул на друга Петя Воловой. – На Россию теперь поедешь? А там и во взрослых соревнованиях можно участвовать. КМС, считай, сдал. Потом, глядишь, и мастером спорта станешь. Международного класса, – подчеркнул Воловой. – Тебе теперь все пути открыты, после такой двойной победы.

– Хочешь сказать, что я должен связать свою жизнь с фехтованием? Ну, уж нет! – расхохотался Роцин.

– Да ты что?! Ты же лучший фехтовальщик на шпагах! Да ты во всей стране лучший, Женька!

– А что такое фехтование? А? – Роцин приподнялся на

локте.

– «Фехтование приучает человека к самостоятельности, руки развивают силу и гибкость, кривые ноги выпрямляются, существо слабое, хилое укрепляется...» – голосом Дрына проскрипел Валерик Белкин.

Друзья не выдержали и рассмеялись. До чего ж похоже! У Белкина прямо талант к лицедейству.

– Молодец! – хлопнул его по плечу Рошин. – Но я не в том смысле. В смысле перспективы. Непопулярный вид спорта. Не то, что футбол, или хоккей. Членов нашей сборной по хоккею все знают в лицо. А кто знает в лицо знаменитых фехтовальщиков? Увы!

– Что ж ты не записался в футбольную секцию? – мрачно спросил Самарин.

– «Трех мушкетеров» начитался. И потом... Хотел поставить школьный спектакль. «Три мушкетера», – нехотя ответил Рошин.

– Поставил?

– Да. Спектакль прошел на ура. Даже пресса была. Корреспондент из журнала для молодежи. Оч-чень популярного, между прочим.

– И? – напряженно спросил Петя.

– Что и требовалось доказать. Я собираюсь поступать на режиссерский факультет. А там конкурс-то ого-го! Но с такой рецензией у меня появляется шанс. Подам на рассмотрение свой сценарий и озвучу результат его воплощения в

жизнь, то бишь, зачитаю комиссии хвалебную рецензию. Вот и пригодилось фехтование.

– Какой удар для Дрына! – поморщился Петька Воловой. – Жека, а ведь он на тебя рассчитывает! Не часто его ученики выигрывают первенство города.

– Вот и утешь его, – зло сказал Рошин. И презрительно добавил: – Любимчик.

– Я на экономический. Мне к экзаменам надо готовиться.

– Брось, Петька! Кому нужна экономика? Тоска! Закопашься в цифрах. Если уж у тебя способности к математике, иди в инженеры. Или физиком стань. Ракеты в космос запускай. И то – дело!

– Я на экономический, – упрямо сказал Воловой. – Что-то мне подсказывает, что жизнь скоро изменится. И космос ваш накроется медным тазом. А вот экономисты будут в цене. Да и чемпиона из меня не получится. Дрын это знает.

– А я в театральный, – улыбнулся вдруг Валерик Белкин.

– Чего-о?! – хором спросили друзья. И переглянулись. Ну и ну!

– Артистом буду. А вы думали, чего я здесь парюсь? В «Рапире»-то? Сколько у нас классических пьес, где требуется умение фехтовать? Один Шекспир чего стоит! «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Двенадцатая ночь»... Те же мушкетеры, Сирано де Бержерак. Не счесть. У меня кроме внешности перед остальными есть преимущество. Юношеский второй разряд по фехтованию. Следовательно, я умею играть

фехтовальные репризы. И играть красиво. Приемная комиссия будет в восторге.

– А ты не дурак, – усмехнулся Рошин. – Признаться, я тебя недооценил. Умно! И фехтуешь ты правильно, если принять во внимание цель. Атака, атака и еще раз атака. Теперь мне все понятно. Тогда мы с тобой еще встретимся. Не на дорожке. На репетиции. Если каждый своего добьется. Я буду ставить фехтовальные репризы, а ты их играть.

– Идет, – беспечно сказал Белкин. – Ну а ты, Рома? Почему молчишь?

– А что сказать?

– Куда собираешься после десятого класса? В какой институт?

– Может, я в армию пойду, – нехотя сказал Самарин.

– Да ты что?! Сейчас лучших в Афган отправляют! Ты, вообще, в курсе? Ромка, ты ведь спортсмен!

– Ну и что? Мне все равно.

– Дурак, – резюмировал Рошин. – Умереть всегда успеешь. – И вдруг спохватился: – О, черт! А сколько сейчас времени?

– Что, Маргота ждет? – хмуро спросил Самарин.

– Ты, Жека, смотри... Поосторожнее с ней, – посоветовал опытный в делах сердечных Белкин.

– Это еще почему?

– На таких женятся.

– Еще чего!

Рощин поднялся. Маргарита Лепаш была самой красивой девушкой в школе. А ему всегда достается все самое лучшее. Так было всегда и так будет. Ромка ревнует, это видно. Глаза цвета моря сразили его наповал. Ромка зовет *ее* Марготой. Дюма начитался. Роман называется «Сорок пять». «Маргота и Тюренн». Латынь. Нет, она не Маргота. Она – Маргарита Лепаш. Странная фамилия, забавная и немного смешная. Французская? А почему буква «ша» на конце? Странно! И сама она немного странная, эта белокожая малышка с огромными яркими глазами. До сих пор тайком шьет платья своим куклам, словно девчонка какая-нибудь, часами может строчить на своей машинке. Только он, Рощин, знает, что Маргота собирается поступаться в текстильный институт, учиться на модельера. Пока это тайна.

А за окном весна... Конец апреля, и апрель в этом году невероятно теплый. Женька Рощин вскочил и потянулся. Красота! Его ждет самая красивая девушка в школе, а, может быть, и во всей Москве. И в руках у него чемпионский кубок. Он, Рощин, прекрасно знает, что он лучший фехтовальщик в этой огромной стране, да, среди юношей, зато самый перспективный, самый одаренный, самый ловкий и смелый. И захоти он... Нет, не об этом сейчас. Он немного пьян от вина и от победы. И от любви. Ну, совсем чуть-чуть. Потому что на таких, как Маргота, женятся лишь романтики типа Ромки Самарина.

– Значит, все? – снизу вверх посмотрел на него все еще

лежащий на пыльных матах Петька Воловой. – Разбежались? Выиграли кубок и разбежались. У Дрына случится инфаркт. Слышали, что он сказал, после того, как нам кубок вручили? «Теперь на Россию поедem». Жаль.

У Петьки добрая душа. Тело, которое со временем обещает стать огромным, ибо Петька склонен к полноте, и такое же огромное сердце. Доброе сердце.

– Почему все? – обернулся Роцин, который уже, было, направился к дверям. – Мы обязательно встретимся!

– Когда? Двадцать лет спустя? – с усмешкой спросил Воловой.

– А, хотя бы и двадцать! А что?

– Через двадцать лет! С ума сойти! – сложив губы трубочкой, присвистнул Валерик Белкин. – Столько не живут!

Да, семнадцатилетние думают так. Тридцать – это старость, а сорок уже дряхлость. Столько не живут. Зачем?

– И зачем нам встречаться? – хмуро спросил Самарин. Он и в самом деле ревновал, потому что был уверен: скоро Маргота выйдет замуж за Роцина, и через двадцать лет их дети сами станут взрослыми. Зачем видеть это? Чужое счастье и взрослых детей Марготы и Роцина?

– Жизнь сложная штука, – наставительно изрек Женька. – Мало ли что случится. А давайте поклянемся, парни. Мы обязательно встретимся через двадцать лет. И в память об этом кубке...

Он торжественно поднял над головой хрустальную «са-

латницу»:

– В память об этом кубке, завоеванном нами четверыми, я, Евгений Роцин, торжественно клянусь! Клянусь помочь попавшему в беду другу! Через двадцать лет!

Это было красиво. Захмелевшие парни разволновались. Роцин умеет вдохновлять. Иначе он не был бы чемпионом, и не держать им сегодня в руках этот кубок. Поддавшись единому порыву, парни вскочили, чтобы присоединиться к Женьке. Сейчас им по семнадцать, и кажется, что двадцать лет – это вечность. Кто знает, где они тогда будут, через столько-то лет? С кем, в каком городе, быть может даже, в какой стране? Женька прав: все может случиться.

– Клянусь, – торжественно сказал красный, как рак, от сильного волнения Петька Воловой.

– Клянусь! – сорвавшимся голосом просвистел Валерик Белкин.

– Клянусь, – мрачно уронил Ролан Самарин. Или Роман, как его больше устраивало.

И четыре мушкетера торжественно пожали друг другу руки.

А за окном была весна. Весна тысяча девятьсот восемьдесят... В общем, еще того счастливого года, когда люди жили в СССР и не подозревали, что с ним и с ними случится вскоре. О том, в какой стране они проснутся те самые двадцать лет спустя, и что будет с данным ими сегодня обещанием, которое, если ты мужик, и дорожишь своей мушкетерской

честью, придется выполнять.

Двадцать лет спустя

Алле!

На дорожке двое. Она, словно полоска лунного света, в которой плетут фехтовальные кружева эти двое в белом. Поединок – дуэт может звучать так, что дух захватывает, а может навеять откровенную скуку. Все зависит от мастерства фехтовальщиков. Каждая схватка – это фехтовальная фраза. Одна фраза дуэта. В ней есть завязка, есть замысловатые коленца, финты, атаки и контратаки, соединения и коварные удары, и есть окончание, то есть, туше. Укол-удар. Точка, обозначающая конец фразы.

Итак...

Фраза первая

Парад

– Леша, вставай!

– М-м-м...

– Леша же! – его потрясли за плечо.

– Что? Что такое?

Леонидов поднял голову. Или ему показалось, или сегодня выходной? На дворе весна, конец апреля. А апрель в этом году теплый. Говорят, что в мае вернутся холода, но до мая еще дожить надо. Сережка гоняет в футбол с пацанами, жена с пятилетней Ксюшей пошла в гости к Барышевым. Друзья год назад сняли однокомнатную квартиру в этом же районе, поближе к работе Сергея. Их дочери Вике три года, Аня давно уже вышла на работу, все в тот же «Алексер». За девочкой присматривает няня, но если папа работает в десяти минутах ходьбы, это плюс. Те же плюс папа. От добавления такого слагаемого сумма существенно меняется в пользу семьи.

Женщины собирались поболтать, пройтись по магазинам, а Леонидов собирался воспользоваться моментом и поспать. Роль сна в жизни мужчины поистине неопределима. Ты спишь,

значит, тебя не трогают. Тебя не трогают, значит, ты свободен. Выходит, человек свободен только во сне?

Кто посмел прервать полет? Кто вернул обратно в темницу? Заботы о хлебе насущном и долг перед семьей, как же это утомляет! И почему, когда просыпаешься, первые мысли, пришедшие в голову, – мысли неприятные?

– Леша! – Александра запыхалась, волосы растрепаны, щеки пламенеют. Бежала? К нему? Неужели, это любовь?

– Саша... – мечтательно сказал он. – Ты уже вернулась? А почему?

– Потому что ты телефон отключил!

Он-то ожидал признания в любви. А получил оплеуху. Нет, она спешила к нему не за поцелуем. Опять ей что-то надо. Ей всегда что-то надо.

– Да, я отключил телефон. Оба три. Потому что у меня выходной, – сказал он сердито.

– Волового убили.

– Плохая шутка.

– Какие шутки! Леша! Барышев тебя ищет! Он сегодня дежурит!

– Барышев де...

– Ну? Проснулся?

– О, черт!

Алексей резко распрямился, сел на кровати и схватился за голову. Сон как рукой сняло. Петр Андреевич Воловой был генеральным директором и, соответственно, владельцем

крупной компьютерной фирмы, где последние два года Леонидов возглавлял службу безопасности. После ухода с поста коммерческого директора «Алексера» он какое-то время болтался между небом и землей. Пытался вернуться в органы, но понял, что от такой жизни, а главное, от таких денег отвык. Хотелось совместить приятное с полезным, а полезное с необходимым. Любимую работу, любимую зарплату и любимую жену.

В конце концов, он прибился к Петру Воловому. По прозвищу Вол. Огромный человек, человек добрейшей души, многодетный отец. Детей у Волового было трое. Кто посмел?!

– Как это случилось? – напряженно спросил Алексей у жены.

– Я не знаю. Вроде бы его сбила машина. Леша, что теперь будет?

– А что будет?

– Ведь ты же должен был заботиться о его безопасности!

– Я и заботился. Уверяю: с этой стороны Воловому ничто не угрожало. Ни конкуренты, ни партнеры по бизнесу. Ни жена. Что ты на меня так смотришь? Иногда в тылу партизанят так, что суверенное государство оказывается на краю гибели. Вчера Вол уехал с работы целехонький и здоровехонький. Ни тени тревоги на лице. Полагаю, что это случайность. Выйди, мне надо с Серегой поговорить.

Жена круто развернулась и направилась к дверям. Оби-

делась. На суверенное государство? Вот уже несколько лет она пытается лишить его, Алексея Леонидова, права на самоопределение. Диктует свою волю. Волового убили, а она: что будет с твоей работой? Ибо таков был подтекст. Женщины, имя вам отобранная зарплата!

Он позвонил Барышеву на мобильник. Судя по звукам, раздававшимся в телефонной трубке, действие разворачивалось возле оживленной автомагистрали. Гудело, свистело, стонало, шипело... Но на всякий случай Леонидов спросил:

– Ты где?

– Там, где начинаются наши проблемы, – хмуро ответил Серега. – Почему трубку не берешь? Обзвонился.

– Я спал.

– Вовремя, – съехидничал Барышев. – Ты спал, а твоего шефа убивали.

– Неужели Воловой мертв? – с ужасом спросил Алексей. Огромное сердце Петра Волового еще могло биться.

– Мертвее не бывает. Его сбила машина. Насмерть. А, говорят, у него... не было врагов.

– Разве что эта машина. Какой марки?

– Уточняем. Это произошло в двух шагах от его дома, – официально сказал Барышев. – Ты бы приехал, Начальник Службы Его Безопасности.

– Серега, я клянусь!

– Успеешь. Я жду.

И Барышев дал отбой. Лучшего друга можно было понять.

Нынче старший лейтенант Сергей Барышев оперуполномоченный УВД в этом самом районе Москвы. И, хотя убийство Петра Волового – это серьезно, дело могут передать и на Петровку, но подключаться придется. На участке труп, пока закрепленный за этим участком. Барышеву придется побегать.

А главное... Главное, что об убитом Серега слышал столько, что порою ему казалось будто Петр Андреевич Воловой – член его семьи. Они с Леонидовым дружили уже лет шесть, с сентября девяносто восьмого. Вместе отмечали праздники, рассказывали друг другу о работе, обсуждали жен, детей, тещу и начальников. Тещу в количестве одна боевая единица, ибо у Леонидова тещи не было. Трагическая история, которая и свела его с женой Александрой.

Вот уже два года Леонидов рассказывал лучшему другу, какой замечательный человек Петр Андреевич Воловой. Как он умеет ладить с людьми, как успешно ведет дела, врагов не наживает, любовниц не бросает из-за отсутствия таковых, и какая плевая это работа возглавлять службу безопасности у такого прекрасного человека. И вдруг такой удар!

Леонидов просто терялся в догадках. Ну, не бизнес тому виной, что Волового убили! Только не бизнес! Петр Андреевич дорогу никому не переходил, налоги платил исправно, и в ту и в другую казну, и государству и мафии, сотрудники фирмы Вола уважали, секретарша боготворила. На бытовой почве? Бытовая почва под ногами Петра Волового по составу была близка к железобетону. Петр Андреевич был женат

вот уже семнадцать лет на женщине, с которой познакомился, будучи еще студентом. Студентом же и женился. Жену свою Воловой боготворил.

Это был идеальный брак. Свершившийся на небесах и навеки соединивший Настю и Петю Воловых. За семнадцать лет совместной жизни любимая жена родила Воловому троих детей, старшему из которых, сыну Петру, теперь уже шестнадцать. Петр Петрович – по призванию круглый отличник, не курит, пива не пьет, наркотиков не употребляет, в подозрительных компаниях не болтается. Единственное увлечение – компьютер. Главная цель жизни – со временем стать главой компании. Петру Андреевичу повезло и с женой, и с детьми. Две дочери Волового пяти и двенадцати лет были под неусыпным присмотром неработающей матери и гувернантки. Жену Воловой любил безумно, хотел от нее еще детей и все праздники отмечал дома и только дома. Охранять его было легко. Потому что не от кого. Да он и не просил никакой охраны. Ни разу. И вдруг...

– Мираж, – покачал головой Леонидов. Или роковая случайность? И с надеждой сказал: – Может, я еще сплю?

Но, увы!

Воловой жил в этом же районе. Одна из причин, по которой Алексей пошел к нему работать. Все под рукой, в том числе и шеф. Большая семья Воловых обитала в большой квартире. То есть, в двух трехкомнатных на шестом этаже, объединенных в одну. Окна дома выходили на широкий про-

спект. Петр Андреевич Воловой любил размах. Зрелище широкого московского проспекта, по которому день и ночь проносились машины, вдохновляло его на новые подвиги. Это был лучший вид из окна, который Воловой мог себе вообразить. Леонидов это знал.

На проспекте его и сбила машина. Петра Андреевича Волового. Когда Алексей дошел до перекрестка, тело уже увезли. Барышев топтался на обочине, возле места происшествия, которое все еще было огорожено ленточкой. Ленточку развевал ветер, она трепетала. Барышев ветра не чувствовал. Вид огромного, почти двухметрового Сереги Барышева формировал у Алексея комплекс неполноценности. Ну почему природа не может сделать так, чтобы все люди были одинакового роста?

Вот он, Леша Леонидов. Сказать среднего, значит, слегка себе польстить. А Барышев гигант. Поневоле обзавидуешься.

– Ну, давай. Клянись, – мрачно изрек друг, глянув на Алексея сверху вниз. – Самое время.

– Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда, – поспешно сказал Леонидов и скрестил пальцы. Мол, век свободы не видать.

– Старо, – поморщился Серега. – Леша, ты теряешь хватку.

– Да не было ничего! Ни намек на криминал! Ума не приложу! Кто? Зачем?

– Конкуренты.

– Да не было у него конкурентов! То есть, он давно уже подмял под себя практически всю розничную сеть и со всеми договорился.

– Крыша? – деловито спросил Барышев.

– Крыша сверху.

– С самого верху?

– Именно. Там все чисто. На крупные партии товара госзаказ. Воловой исправно платил налоги в казну. И откаты исправно.

– Вообще-то, убийство странное. Очень, – задумчиво сказал Барышев.

– Это уже ближе к сути, – перевел дух Алексей. Странное, значит, не служба безопасности виновата. От маньяков никто не застрахован.

– Отойдем-ка в сторонку.

Барышев положил на его плечо огромную руку. Лучше сказать, длань. Выразительнее. Леонидов пошел за Серегой, словно бычок на веревочке. Попробовал бы не пойти! Отошли.

– Ну? – напряженно спросил он.

– Все это некстати, – поморщился Серега. – Мне в ближайшем обозримом будущем капитана должны дать. В должности повесить...

– К слову «оперуполномоченный» добавить приставку «старший».

– Не иронизируй, Леша. Ты знаешь: у меня проблемы с жильем. Ну, сколько можно снимать квартиру?

– Понимаю.

– Зря я, что ли, учился?

– Ты – молодец! Уважаю.

– Леша...

– Я серьезно. Подхватил упавшее из моих рук знамя. Я понимаю, как вам с Аней тяжело.

– Да не то слово! И ты хорош. Свинью подложил.

– То есть? – опешил Леонидов.

– Сбежал из «Алексера». В должности коммерческого ты ее неплохо прикрывал. Мою жену.

– Насколько я в курсе, из короткого декретного отпуска Анна вышла на прежнее место. Директором магазина. Я звонил Ирине Сергеевне.

– Да знаю я! Все знаю! И причину, по которой ты ушел: Серебряков-младший. Но... Убийство Волового – это ЧП. И как назло, на моем участке. В такой момент...

– Разве дело не забрали? – сухо спросил Алексей. – Насколько я в курсе, расследовать особо важные дела в компетенции особого отдела.

– Пока еще непонятно: что это? Убийство или несчастный случай? Особо важные люди не торопятся взять на себя особые обязательства. А у меня работы по горло. Зашиваюсь. Что делать?

– Пиши отказ в возбуждении уголовного дела. Раз

несчастный случай. Воловой шел, шел и споткнулся. Мимо ехала машина, которая случайно задела его колесами. Он от страха забыл как дышать, и умер.

– Ерунды не говори, – уже в который раз поморщился Барышев. – Не время сейчас для шуток.

– А что ты от меня хочешь? – разозлился Алексей. – Ходишь кругами. Давай в лоб.

– В лоб? Ты – мое особое обстоятельство.

– То есть?

– Ты мой друг. И ты – начальник его службы безопасности.

– Я виноват в том, что его убили?

– Мог бы сказать сейчас правду.

– Ты мне не веришь?! Не было у него врагов! Ну, не было!

– Хорошо, – устало сказал Барышев и сделал два шага назад. – Вот здесь он стоял. Долго стоял. Минут пятнадцать. Для делового человека, у которого время расписано по минутам, солидный срок. А он стоял и ждал. Топтался на обочине. Потом сделал два шага вперед. И очутился на проезжей части.

Барышев сделал те самые два шага вперед. Алексей внимательно следил за его манипуляциями.

– Он очутился на проезжей части. И здесь его на полном ходу сбила машина марки «Форд». Черного цвета. Просто-таки врезалась, аки в столб. Воловой этого явно не ожидал. Даже не среагировал, как в один голос утверждают сви-

детели. Воловой упал, ударился головой о бордюр, «Форд» притормозил, дал задний ход, и колеса вновь проехали по телу. Раздавили грудную клетку. «Форд» – большая машина. Полторы тонны Петра Андреевича утюжили. Именно утюжили. То есть, водитель давил Волового сознательно. Какой уж тут несчастный случай!

– И как это жестоко!

– Да, – согласился Барышев. – Жестоко и цинично. Тем более, что Петр Андреевич, как ты утверждаешь, был хорошим человеком.

– И с хорошими людьми это случается, – вздохнул Алексей. – Смерть. А странность-то в чем?

– Странность? Убийца не прятался. Напротив, хотел, чтобы его увидели. Даже стекло опустил. Рисовался.

– И ты боишься, что не раскроешь это убийство?! Да тут дел – максимум на пару дней. Не парься.

– Когда я чего-то не понимаю, это значит, что преступник понимал слишком уж много. Когда убийство разыгрывается как по нотам, когда преступник пытается скрыться, это правильно, это в порядке вещей. А здесь что? У нас есть подробное описание. И убийцы, и машины. Почти все цифры номера. Не счесть свидетелей. Воловой убийцу знал, потому что его ждал. Знал давно, потому что ждал долго. Терпеливо. Как ждут только старых друзей. Которым можно все простить. В том числе опоздание. Осталось зайти к жене Волового и выяснить: кто этот человек. Так просто. Уверен: его

фотографии есть в семейных альбомах.

– Так просто, – эхом откликнулся Алексей. – Ну а я-то тебе зачем?

– На тот самый случай, если преступник умница необыкновенный. Если это блеф.

– Это блеф, – сказал Алексей. – Двойное дно. Нельзя убить такого человека, как Петр Воловой среди бела дня, показавшись при этом во всей красе. Если только это не наемный убийца, которого за углом ждет вертолет. А вертолет ждет миномет. Приземление обоим не гарантируется. Убил человек, дни которого сочтены. И который знает это.

– Пойдем к жене Волового вместе. Ты же хорошо ее знаешь. Помоги.

– Думаешь, мне легко?! Как я ей в глаза посмотрю?!

– Леха, наберись мужества, – Барышев отвел глаза. – Анастасия Вячеславовна – наш главный свидетель.

– Насколько я знаю эту женщину... – он замялся. – Никакого разговора не получится. Это для нее огромное горе. Да что там! Она любила мужа! И только мужа! Ты понимаешь? Любила! Она сейчас не в состоянии давать показания.

– А домработница? С ней-то можно поговорить?

– У них гувернантка.

– Она знает друзей семьи. Нам нужны фотографии. Машина машиной, но тот, кто был за рулем... Я уверен – он близкий друг семьи.

– Ладно. Пошли.

Леонидов развернулся и решительно зашагал к дому, где жили Воловые. У него все еще не укладывалось в голове. Убили Петра Волового! Завалили самого Вола! Барышев все сказал верно. Если это был старый друг босса, значит, он, Алексей Леонидов, этого человека знает. По долгу службы. Не может не знать, ибо они с Воловым и его семьей тесно общались. На даче у него Алексей тоже бывал. Шашлыки жарил. Вино пил.

Проморгал. Как?!

батман

в фехтовании удар клинка о клинок

Он ехал в лифте и грустил: буквально через минуту его обвинят во всех смертных грехах, и за дело. Петра Андреевича проморгал. Настю Воловую откровенно жаль, Леонидов тайком ей симпатизировал. Тайком, потому что Александра по привычке его ревновала, памятуя о бурных похождениях мужа до того, как они поженились.

Настя не была красавицей, скорее напротив. Петр-то Андреевич был видным мужчиной высокого роста, аж метр девяносто, а Настя не больше метра шестидесяти, на фоне богатыря-супруга просто кроха. В юности худенькая, субтиль-

ная, после трех тяжелых родов она располнела, черты лица расплылись, начались болезни. Настя страдала от тяжелого заболевания почек, кожа ее лица была пористая, землистого оттенка. Супруга Волового постоянно ходила по врачам, а порой ложилась в больницу, очищать измученный организм от всякой дряни. Но хотеть еще детей из-за этого не перестала. По натуре Настя была неисправимой оптимисткой, ее ничто не могло подкосить, заставить впасть в уныние, перестать надеяться.

– Я тебе, Петька, еще сына рожу. Обязательно! – смеясь, говорила Настя, возвращаясь из очередной больницы.

Про таких женщин говорят: в них что-то есть. В том, что Воловой обожал жену, не было ничего странного. Путь от бедности к богатству они прошли вместе, бывало всякое. Настя смеялась, разбавляя водой тушь для ресниц, когда не было денег, чтобы купить новую. Смеялась, штопая мужу носки и ставя кожаные заплатки на истрепанные джинсы сына. Смеялась, когда маленькая дочка подарила на день рождения бусы, сделанные из макаронных изделий, теперь уже от счастья. Нанизанные на суровую нитку «перья», любимые Настины бусы. И до сих пор любимые, хотя супруг подарил золотом-бриллиантами. Потом она также звонко смеялась, стоя на Эйфелевой башне, рядом с любимым Петей. Внизу был Париж. Ей было смешно, что жизнь такая странная, непредсказуемая штука.

Непредсказуемая...

Леонидов знал, что восемь лет назад Анастасия вывозила мужа с модного курорта, со сломанной в двух местах ногой и травмированным позвоночником. На экскурсии в Аквапарке огромный Петр Андреевич неудачно упал с водяной горки. Точный диагноз могли поставить только в Москве, по месту жительства, там же оказать квалифицированную медицинскую помощь и при необходимости сделать операцию. На руках у Насти кроме стонущего от боли мужа было двое детей. Четырехлетняя девочка плакала от страха. Надо было срочно найти вертолет, потом погрузиться на самолет. Но Настя справилась. Маленькая женщина, которая мужественно переносила любые невзгоды.

Справится ли она теперь?

– Спокойно, Леша, – положил ему руку на плечо Серега Барышев.

– Я спокоен.

Дверь в секцию, где находились обе квартиры Воловых, была не заперта. И дверь в саму квартиру, как оказалось, тоже. Друзья долго шаркали ногами в прихожей, чтобы обозначить свое присутствие. Никто к ним не выходил. Но, наконец, в просторном холле появилась хозяйка. Леонидов отметил, что, быть может, впервые в жизни, Настя не улыбается. А тогда, на юге? Какое у нее было выражение лица?

– Я знала, что вы придете, – устало сказала маленькая женщина с землистым лицом. – Потому и не поехала с ним. Я...

Леонидов испугался, что она сейчас упадет в обморок. В

квартире было тихо. В первой квартире. Должно быть, дети и гувернантка ушли в другую половину.

– Я в порядке, – сказала Настя. Анастасия Вячеславовна.

И тут Алексей поймал ее взгляд. «Как ты, начальник его службы безопасности, мог допустить?!» А как, если ничего не было?!

– Анастасия Вячеславовна, у нас к вам несколько вопросов, – официально сказал Серега. – Если вы, конечно, в состоянии ответить.

– Я отвечу. Уверена: вы его поймаете...

– Задержим, – мягко поправил Барышев.

– Какая разница? Мне-то теперь *какая разница?*

– Настя, вы должны вспомнить, – вздохнул Алексей. – Что было? Вчера он уехал с работы в прекрасном настроении. Вы собирались на дачу...

– Да, – кивнула Настя. – Я хочу вам показать... Пройдемте в его кабинет.

Следом за хозяйкой они прошли в квартиру. Леонидов прекрасно знал расположение комнат, ибо бывал здесь не раз. Там, на другой половине, жили дети. Трое детей, три комнаты. Если бы родился еще ребенок, Воловой купил бы третью квартиру и присоединил ее к двум другим. Деньги, которые он зарабатывал, были предназначены его детям.

На этой же половине была огромная кухня, точнее сказать, столовая, а также зал, спальня супругов и рабочий кабинет хозяина. Анастасия Вячеславовна открыла дверь в него:

– Прошу.

Они вошли. Алексей промолчал, зато Барышев невольно присвистнул. То, что в кабинете стоял рабочий стол, а на нем плоский, жидкокристаллический монитор, было в порядке вещей. Рабочее место крупного бизнесмена. Телефон, модем, принтер...

Но одну из стен занимал роскошный ковер ручной работы. На ковре красовались две шпаги. Судя по инкрустированному камнями эфесу и позолоте, век минувший. Не исключено, что раритет. Ведь Петр Андреевич Воловый был богатым человеком. Итак, шпага. Дуэльное оружие. Тут же пристроились огромных размеров фехтовальный колет и маска. Все это не вязалось с компьютером и прочей оргтехникой.

– Петина тайная страсть, – тихо сказала жена Волового.

– Он занимался фехтованием? – спросил Барышев, подходя к ковра. И протянул руку к шпаге.

– Осторожнее! – предупредила Настя. – Настоящие. Для учебных боев у Пети были другие. Это оружие девятнадцатого века. Дуэльные шпаги. Колет и маска сделаны на заказ. Петя очень крупный мужчина. Был, – тихо добавила она.

И вновь не заплакала.

– Так что с фехтованием? – осторожно напомнил Алексей.

– В детстве он ходил в фехтовальный клуб «Рапира». А лет двадцать назад их четверка, все из «Рапиры», выиграла первенство города. У Пети первый юношеский разряд, – с

гордостью сказала Настя. – Потом он забросил тренировки, поступил в институт. Учиться было трудно, а Петя... Он закончил престижный вуз с красным дипломом. Было не до фехтования. Прошли годы. Петя работал экономистом на крупном предприятии, потом открыл собственное дело. Было трудно, иногда очень трудно, – равнодушно сказала она.

Ее взгляд скользнул по ковру. Дуэльная шпага казалась в огромной руке мужа игрушкой. После тридцати Петр Андреевич заметно отяжелел. Мечтал похудеть, сел на строгую диету. Беспокоила травма позвоночника, полученная восемь лет назад. А он так мечтал возобновить тренировки...

– А фотография есть? – спросил Алексей. – С кубком, который выиграла четверка?

– Да, конечно. Для Пети это была святыня. Так же, как их дружба, – сказала Анастасия Вячеславовна. – Хотя они не собирались вчетвером лет двадцать. Так, чтобы всем вместе. Но у них была договоренность...

Она подошла к шкафу и осторожно, словно та была хрустальной, открыла дверцу. Мебель в кабинете была старинная, красного дерева. Женщина достала старый альбом в бархатном переплете синего цвета. Подошла к столу и аккуратно положила альбом на сверкающую поверхность:

– Вот.

Леонидов открыл альбом. В свое увлечение хозяин фирмы его не посвящал. Это была тайна за семью печатями. Работа есть работа, а друзья есть друзья. А хобби есть хобби.

Петр Андреевич в быту был человеком немного застенчивым. Если уж предстать перед знакомыми со шпагой в руке, то так, чтобы не показаться смешным. Тренировался он тайно. Теперь Алексей был уверен: да. Тренировался.

Леонидов и не подозревал, что в юности Воловой был неплохим фехтовальщиком. Шпаги и колет в кабинете видел, но предполагал, что это так называемые «понты». Когда деньги девать некуда, начинается охота за экзотикой. Всяк мечтает прослыть оригиналом. Некоторые крокодилов в доме держат или гремучих змей, а Петр Андреевич держал дуэльные шпаги. Оказывается, Воловой умел отлично обращаться с холодным оружием!

И вот тому подтверждение. Четверка парней салютует шпагами. Команда спортивного клуба «Рапира». А вот они же после финального боя. В руках у того, что стоит в центре – кубок. Алексей внимательно взгляделся в лицо явного лидера. Парень и сам похож на стальной клинок. Худой, гибкий и весь какой-то узкий. И губы узкие, а нос хрящеватый, хищный. Жесткие черные волосы, глубокие темные глаза...

Тут он понял: знакомое лицо. Это же...

– Да. Евгений Роцин. Известный театральный режиссер, – кивнула Анастасия Вячеславовна. – Его часто показывают на канале «Культура». Роцин в моде.

В ее голосе прозвучало легкое презрение.

– Значит, Роцин – тоже фехтовальщик? – на всякий случай спросил он.

– И какой! Петя говорил, Рошин мог бы стать чемпионом. Мастером спорта международного класса. Если бы захотел.

– А вот этот, – ткнул пальцем в фотографию Барышев. – В сериале снимался! Точно!

– Валерик Белкин, – равнодушно сказала Анастасия Вячеславовна. – Актер.

– И он тоже?

– Вы же видите.

– А вот этот подходит под описание, – задумчиво сказал Барышев.

– Под какое описание? – заволновалась хозяйка.

– Описание убийцы. Среднего роста, широкоплечий, волосы темно-русые, коротко стриженные, глаза карие. Под левым глазом заметный шрам. В виде подковы.

– Да что вы! – замахала руками Настя. – Этого не может быть!

– Почему же? – пожал плечами Леонидов.

– Потому что это – Рома Самарин! Самый близкий Петин друг! Так мой муж всегда говорил. Им абсолютно нечего было делить. И Рома не такой человек, – она запнулась. – Чтобы сбить и проехать колесами...

И вот тут она разрыдалась. Леонидов кинулся на кухню за водой, Барышев принялся говорить что-то бессвязное. Слова утешения, которые в данный момент были бессмысленными. Алексей принес воду. Настя взяла себя в руки. Отпила из стакана пару глотков и вытерла лицо рукавом домашнего

халата. Они вернулись к фотографии.

– И все-таки, – мягко, но настойчиво сказал Барышев. – У Самарина есть машина?

– Да.

– Какой марки?

– Кажется, «Форд». Старый «Форд». Черного цвета.

Они переглянулись. Леонидов покачал головой. Мол, бывают совпадения.

– Номера машины, вы, разумеется, не помните.

Женщина отрицательно покачала головой. Потом вдруг сказала:

– Знаете, когда мы с мужем были моложе лет на десять и страстно любили путешествовать, мы ездили на юг на машине. Мы... Словом, я ехала на переднем сиденье, справа от Пети, и от скуки читала номера машин. Из букв иногда получаются смешные комбинации. Я пыталась его развеселить. Так вот, у Ромы смешная комбинация букв. «АГУ». Как младенцы говорят: «агу, агу...». Я еще над этим пошутила, когда Рома приехал к нам на дачу. Куда, мол, тебе жениться, если ты еще агукаешь.

– Это его машина, – мрачно сказал Барышев.

– Не понимаю, о чем вы.

– Скажите, а чем он по жизни занимается? Этот Самарин?

– Он писатель. Малоизвестный. То есть, по образованию Рома инженер. Специалист по системам охлаждения, так, что ли. Но давно уже этим не занимается. С мая по октябрь

он шабашит. Работает в строительной фирме, но работа сезонная. Они строят дома, копают колодцы, печи кладут. У них есть проверенная бригада, вместе уже не один год. Заработав за лето деньги, Самарин запирается на всю зиму у себя в деревне и пишет свои странные книги.

– Хорошая компания! – не удержался Леонидов. – Известный режиссер, малоизвестный актер и никому не известный писатель. Извините, но я сериалов не смотрю, а про романы Романа Самарина никогда не слышал. Лишь вот эта личность мне знакома, – он показала на Рощина. – И все – мушкетеры! Скажите, а где сейчас кубок?

– У Рощина, – сухо сказала Анастасия Вячеславовна. – Всегда был у Рощина.

– Насчет договоренности, – сказал вдруг Барышев. Алексей посмотрел на него с уважением. Молодец! Кое-чему научился за эти годы!

– Да, – кивнула Анастасия Вячеславовна. – Петя очень любил рассказывать, как они выиграли этот кубок. Как пили потом из него дешевое вино в пустом зале. И как потом дали клятву. В том, что обязательно встретятся двадцать лет спустя. И если у кого-то возникнут проблемы...

Она вдруг замолчала. Лицо у женщины стало странное. Во взгляде мелькнуло что-то похожее на сожаление.

– Если у кого-то возникнут проблемы? – повторил Алексей.

– Так, ничего. Детская клятва.

– Понятно: романтика. Дюма начитались наши мушкетеры. И все-таки. Двадцать лет спустя они встретились?

– Судя по тому, что Петя возобновил тренировки и сел на диету, – вяло сказала Анастасия Вячеславовна, – да. Встретились.

– Кого он ждал сегодня на перекрестке?

– Я не знаю.

– Но ведь был звонок?

– Был. В половине третьего.

– У мужа ведь не было от вас никаких тайн.

– Мы собирались на дачу. За город. Но потом раздался этот звонок. Вы правы: я в курсе всех его дел. Его друзья – мои друзья. Мои подруги часто приходят в наш дом, и Петя охотно сидел с нами за столом, пил вино, шутил. Так же и я себя веду, его друзья – мои друзья. Он сказал, что должен встретиться со старым другом. Я очень удивилась. Говорю: «Пусть он придет сюда, мы посидим, вы обсудите все проблемы. Зачем куда-то идти?»

– И что ответил муж?

– Он ответил: «Этот человек тебе неприятен». Потом сказал, что это займет не более десяти минут, чтобы я собиралась на дачу. Что ночевать мы будем там. Примерно с полчаса он ходил и все посматривал на часы. Напряженно о чем-то думал. Потом он взял с вешалки куртку и вышел. Все.

Она так и сказала: «Все». Словно поставила точку. Все, мол, конец. Петя домой не вернулся. Барышев угрюмо смот-

рел на фотографию двадцатилетней давности. Потом тяжело, словно роняя не слова, а булыжники, сказал:

– Это был Самарин. Описание внешности водителя и номера машины сходятся.

– Но ведь Петя сказал, что этот человек мне неприятен! – отчаянно воскликнула Анастасия Вячеславовна. – Я очень люблю Рому! Многие считают его неприятным человеком. Он странный, угрюмый. У него случаются запои. Но Петя не мог встретиться с ним на улице! Не мог! Петя обязательно привел бы Рому в дом, зная, как я к нему отношусь!

– Настя, успокойся, – сказал Леонидов.

– Ждал кого-то другого, а приехал Самарин, – добавил Барышев.

Алексей вновь посмотрел на него с уважением. Умно! Но тогда Самарин должен был знать о назначенной Воловым кому-то встрече.

– Надо ехать, – сказал Серега, поднимаясь. – Найти его машину. И самого Самарина найти не мешало бы.

И тут у него зазвонил мобильный телефон.

– По работе, – сказал Барышев, взглянув на определитель номера, и вышел из кабинета.

Они остались вдвоем. Повисла долгая пауза. Леонидов мялся. Потом сказал:

– Настя... Анастасия Вячеславовна...

– Не надо, Леша. Всего не предусмотреть. Когда муж сломал ногу и сильно ушиб позвоночник, мы ехали на юг отды-

хоть. У нас появились первые большие деньги, и мы решили их весело потратить. Когда ехали туда, было так хорошо! Кто виноват в том, что стало так плохо? Архитектор, который так неудачно спланировал водяную горку? Строители, которые ее соорудили? Петя, не рассчитавший свой вес? Я, которая его туда пустила? Кто? Всего не предусмотреть, – повторила она.

Алексей хотел что-то сказать, но вошел Барышев. Глянул выразительно и изрек:

– Установили, откуда был звонок. Оперативно работают!

– И? – Алексей даже привстал.

– С квартиры Рощина. Звонили Петру Андреевичу на мобильник, но звонили с домашнего телефона режиссера.

– Немного странно, ты не находишь? – спросил Алексей. – Почему не с мобильного? Почему не на домашний?

– К телефону всегда подхожу я, – сказала Настя. – Видимо, не хотели посредников.

Она упорно не называла имен. Этой женщине трудно было поверить, что Петю убил кто-то из близких. Друг семьи.

– Понятно, – вздохнул Алексей. И Барышеву: – Что делать будем?

– Надо ехать к Рощину. Самарин живет за городом. А Рощин в центре. Нам все равно по пути. Поедем к Самарину через Рощина. Леха, придется воспользоваться твоей машиной.

– Машина что, – пробурчал Леонидов. – Завтра утром мы

с женой тоже на дачу собирались. Ночевать, мол, там еще холодно, а на солнышке погреться в самый раз. А теперь, получается, накрылись мои выходные.

– Ошибаешься, – ощерился Барышев. – Работа – да. Накрылась. А что касается входных... Ты теперь свободен, и, кажется, надолго.

Алексей скрипнул зубами. Не удержался-таки, упрекнул! Ну да, он, Леонидов, бывший офицер милиции, гениальный, как все говорили сыщик – лох. И какой лох! Он сам себя в этот момент ненавидел. И избегал смотреть жене Волового в глаза.

Анастасия Вячеславовна провожать их не пошла. Гувернантка и дети на половине их родителей так и не появились. А интересно было бы побеседовать с женщиной. Молоденькая, хорошенькая. И – при чужих детях. В том, что касается шашней хозяина и гувернантки, Леонидов не дал бы ни единого шанса. Гувернантке. Но хозяин – не единственный мужчина, бывающий в доме. Есть и другие.

Теперь он знал: трагическая гибель Петра Андреевича связана с его хобби. Фехтование. Только эта сторона жизни большого человека и большого бизнесмена была окружена тайной. Обо всем остальном Леонидов по долгу своей службы знал.

Значит, четыре мушкетера. По аналогии Воловой должен был быть Портосом. Высокий, могучий, добродушный. Женившийся на госпоже Кокнар и обзаведшийся кучей малень-

ких Портосиков. Алексей невольно усмехнулся, представив Настю Воловую в роли госпожи Кокнар. Кто ж не играл в детстве в мушкетеров?

А что такое тогда Евгений Роцин? Не иначе как д'Артаньян. Неудержимый, весь заряженный на победу. Интересно на него посмотреть. Как же! Знаменитость! Чего хотел – добился.

реприза

Первый раз Евгений Роцин женился по расчету. Когда учился на последнем курсе, осваивал профессию театрального режиссера, и вскоре должен был защищать диплом. То есть, показать комиссии свой дипломный спектакль.

И вновь фехтование. На этот раз Шекспир. На «Гамлета» Роцин тогда не замахнулся, решил поставить «Двенадцатую ночь». Веселую комедию со счастливым концом. Постановка была насыщена фехтовальными репризами, которые Роцин всегда ставил с блеском. Спектакль получался веселым, но на душе у Евгения было мрачно.

А что дальше? Он уже понял: без родословной в мире искусства пробиться трудно. Ну, получит он диплом, где будет отмечена его отличная работа над дипломным спектаклем. Да, мило, хорошо, просто замечательно. Но на хорошее распределение рассчитывать не приходится. Все теплые местечки давно уже закреплены за своими. Талантливы они или

бездарны, значения не имеет. У того-то папа заслуженный артист, у того-то известный режиссер, у той-то театральный критик. И все. В этой обойме Жене Рошину местечка нет. Хотя и его родители люди непростые. Но папа – ученый, к искусству отношения не имеет. Вот если бы Женя хотел заняться наукой... Более того, отношения с сыном у Рошина-старшего напряженные. Есть мнение: режиссер – это не профессия. Нет, папа будет только рад, если единственное чадо чувствительно щелкнут по носу.

Все, на что Рошин может рассчитывать, это провинциальный заштатный театришко. Либо свободный диплом. Это только звучит громко: театральный институт! И конкурс туда огромный! Уж сколько их упало в эту бездну? Талантливых мальчиков и девочек. В бездну безвестности. Везет единицам, остальные годами ждут своей удачи, и большинство из них так и не дожидается. Спиваются, становятся наркоманами, кончают жизнь самоубийством.

Он живо представил себе захолустный городок: комната в общежитии, отвратительные дороги, население сто тысяч жителей, а то и меньше, один рынок, один парк, который, как правило, называется Центральным, и один Драмтеатр. Либо Дом Культуры. Вот и все места культурного отдыха населения. Зал на двести мест, в холле ряды откидных стульев и полутора-литровые стеклянные банки вместо пепельниц. На стульях сидят «артисты». Курят. Бесперывно курят. Это вполне может быть Народный театр, значит, люди приходят

сюда после работы. То ли играть, то ли расслабляться. И первым делом изливают душу. Жалуются на бытовые проблемы и начальство. И он, Евгений Роцин, в отвратительном пиджаке, с засаленными волосами, пытаясь преодолеть сонливость и равнодушие, объясняет, как и что надо играть...

Роцина невольно передернуло. Можно, конечно, бросить камень в это болото. Не спиться, не опозлиться, сколотить блестящую труппу, поставить сногшибательный спектакль, вызвать столичную прессу на премьеру и добиться перевода в Москву. Но сколько лет на это уйдет? Два года, три, пять? Заканчиваются восьмидесятые, в воздухе чем-то запахло. словно грозовые разряды носятся. Нет, надо во что бы то ни стало остаться в Москве. Нельзя отсюда уезжать, необходимо держать руку на пульсе жизни.

И выход есть. Роцин давно уже его нашел. Курсом младше учится на артистку единственная дочь «народного», чье лицо известно всей стране, от мала до велика. Она некрасива, и, кажется, бездарна, но кого это волнует? Тот, кто взял ее в свой мастер-класс, близкий друг папы. Вместе они появляются в популярных телевизионных передачах, и о многолетней дружбе своей отпускают веселые шутки. В том, что после окончания института Милочка получит работу в одном из лучших столичных театров, куда публика валит толпами, никто не сомневается. Потому что папа там звезда первой величины. На него и идет публика. И он, не стесняясь, диктует главному режиссеру свою волю. Вот бы устроиться ту-

да режиссером! Хотя бы на полставки! На Малую сцену! На Большую, понятное дело, никто не пустит. Но Малая...

Надо жениться на Милочке. И все. Примкнуть к клану. Обзавестись родословной. Получить протекцию. Тогда все увидят, наконец, какой талантливый парень Женька Роцин. А не будут равнодушно пожимать плечами: «Да, мило. Но таких много».

Роцин знал, что нравится женщинам. По принципу, чем меньше, тем больше. Потому что сам он никогда ни за кем не бегал. Ведь у него была Марго. Их роману было уже лет пять. Имеется в виду, серьезному роману, не вздохам на скамейке и боязливым пожатиям руки. Этап, который давно уже пройден, как и первые поцелуи, первое, осторожное узнавание друг друга, как мужчины и женщины. Пять лет они с Марго спят вместе. Урывками, когда есть возможность остаться наедине. Пять лет он клятвенно обещал, что женится. И она верила.

У него были причины, чтобы жениться на Марго. И веские причины. Во-первых, любовь, во-вторых, любовь, и, в-третьих, любовь. Четвертая причина вызывала прилив чего-то, похожего на раскаяние, и Роцин старался об этом не думать. Он был законченным эгоистом и любил также, эгоистически. Для своего же спокойствия, чтобы не отвлекаться и сохранить силы для дел более важных. Любовь он к таковым не относил.

Итак, у него был шанс. Маленький шанс добиться успеха.

И большая проблема, из-за которой сражение можно было запросто проиграть. Эта проблема называлась Марго. Сначала Рошин провел блестящую атаку. Он завоевал Милочку за один вечер, показав все, на что способен. Актрисе как нельзя кстати муж-режиссер. Со стороны профессии Евгения Рошина у Милочки не было никаких возражений. Кроме того, он был хорош собой, остроумен, умел изъясняться в любви по-французски, что безумно нравилось женщинам, и целовался так, что у Милочки ноги подкашивались. В кольцо его железных объятий она теряла остатки разума.

Потом ответную атаку провел папа. Народный артист. Его выпад был не острым, а, скорее, сглаженным: «девочка, ты хорошо подумала?» Острие скользнуло, не причинив вреда. Рошин легко парировал: «а где вы найдете лучше?» Все ж таки, его папа был ученый, и жили они в центре, в прекрасной квартире, и мама ни дня не работала, родом она была из обеспеченной и уважаемой семьи, а единственный сын Рошиных хотя и не учился в детстве играть на скрипке, но зато имел разряд по фехтованию. Как это изысканно! Благородно! И он блестяще знает французский! Где вы найдете лучше?

Оставалась проблема: Марго. Рошин все оттягивал момент решительного объяснения. Все ж таки, он не законченный негодяй, а разумный человек, который просто не хочет пускаться в авантюру. В конце концов, его будущее это и ее будущее тоже. В институте Марго не доучилась, взяла акаде-

мический отпуск. Значит, ей тоже надо остаться в Москве. Если он уедет в провинцию, кому будет лучше? Живет Марго вместе с матерью в однокомнатной квартире, где молодым просто нет места, Вера Федоровна Лепаш – портниха. Не квартира, а проходной двор, куда постоянно заходят клиенты. Мадам Рощина не исключение: появляется, чтобы заказать к очередной вечеринке «что-нибудь этакое». Если сын женится на «этой девице», его отлучат от дома. Причина презирать Марго у матери Евгения есть веская.

И потом: ему светит армия. Отец уже озвучил, что устал доставать липовые справки. Раз институт закончен, диплом получен, будь любезен: отдай долг Родине. Что делать с этим? В общем, Рощин заготовил массу аргументов. Не пригодился ни один.

Марго молчала. Он внимательно разглядывал ее лицо, пытаясь угадать, когда же начнется истерика? А думать мог лишь о том, что она удивительно, просто-таки невероятно красива! В глазах цвета моря, у самой поверхности, притаились солнечные зайчики. Момент – и лицо озаряет вспышка света. Когда Евгений наклоняется к ней, чтобы поцеловать. Как только их взгляды встретятся, глаза ее вспыхнут, засияют, губы дрогнут в улыбке. Полные, чувственные губы, словно бы обведенные по контуру коричневым карандашом, а между носом и верхней губой – очаровательная глубокая ямочка. Ни у кого больше губ таких нет! Во всем мире! Что же он делает?

Что?!

– Je suis coupable, – взволнованно сказал он. – Виноват...
Je vous ai fait du mal...

Марго покачала головой: не надо. По-французски он объяснялся ей в любви. Почему-то по-русски не хотел или не умел. Такой уж он был человек, Евгений Роцин.

Пауза затянулась.

– Почему ты молчишь? – спросил он зло, пытаясь скрыть свои чувства. Если бы она сейчас заплакала, стала умолять, чтобы он не женился на другой, Роцин бы не выдержал. Черт с ним! Пусть будет провинция!

– А что сказать?

– Так что мне делать? – с нажимом спросил он.

– По-моему, ты уже все решил.

– А ты?

– Я буду ждать. Как всегда.

– Умница, – с облегчением сказал Евгений Роцин. – Понимаешь, Рита, этот брак не продлится долго. Я получу диплом, получу работу в Москве, закреплюсь в театре, и... Годика через три разведусь. Потом женюсь на тебе.

– Хорошо.

– Это все, что ты можешь сказать?

– Она красивая?

– Что?!

Он был в шоке: и это все, что ее волнует?! Красива ли его невеста? Ну что за народ эти женщины!

– Она не красивая, – сказал Рошин успокаивающе. И Марго с удовлетворением кивнула. Рошин поспешно добавил: – Все будет как прежде. Я буду к тебе приходить. Ничего не изменится в наших отношениях.

Он врал. Не собирался он сюда ходить. Зачем рисковать? Но как потом оказалось, сказал чистую правду. Не видеть ее Рошин не мог. Эта женщина держала в своих руках его сердце. И не знала, что с ним делать. Просто держала. Не разжимая рук, но и не пытаясь крепко сжать пальцы, чтобы брызнула кровь. Рошин никогда не мог ее понять.

Но она его прекрасно понимала...

Потом была пышная свадьба. Маргарита Лепаш на свадьбу, разумеется, не пришла. Зато ее мама-портниха сшила мадам Рошиной сногшибательное платье. Евгений знал, что модель была придумана Марго. Талант модельера у нее был. Это Евгений виноват, что ничего у Марго не получилось. Но жизнь длинная. Как знать?

Мадам Рошина хвалилась, что платье привезли из-за границы. Чуть ли не из самого Парижа! Мол, приятель мужа, с которым они в соавторстве опубликовали научную статью в тамошнем журнале, во французском, привез платье для такого торжественного случая. Якобы Рошин-старший остался в Москве, а его соавтор был делегирован на симпозиум. Вот с этого симпозиума и...

Евгений морщился, слушая весь этот бред. Какой соавтор? Какой симпозиум? Но люди искусства ничего, слуша-

ли. Жевали и глотали. Челюсти интенсивно работали. Дочка Народного артиста СССР выходит замуж за сына известного ученого. Почему он, Евгений Рощин, не пошел по папиным стопам? Не корпел днями и ночами над учебниками, как Петька Воловой? Не вгрызался отчаянно в гранит науки?

Потому что умный. Жизнь – лотерея. Надо в нее играть. Не быть лошадю, которая вращает ворот, в свою очередь вращающий барабан Фортуны. А таскать из него лотерейные билетки. Пока не попадется счастливый. Прочие, пустые кидать под ноги и главное: не оглядываться! Петька Вол копыта сотрет, пока добьется успеха, а ему, Женьке Рощину, непременно повезет. Быстро и сразу.

Он смотрел на невесту, пышногрудую девицу, на лице которой выделялись нос картошкой и узкий, слишком уж узкий лоб, и презрительно улыбался. Дорогое платье идет Милочке как корове седло. Три года. Всего лишь три года. Такой срок он себе наметил.

Потом он разведется. Это всего лишь отступление. И перед кем? Перед любовью, которая в сущности, тьфу! Ничто! Есть вещи более важные.

...Это брак продлился без малого десять лет. Детей у них с Милочкой не было.

контратака в отступлении

– Ну, что? В гараж? – спросил он Серегу, выйдя на ули-

цу. – Поедем на моей.

– Погоди.

Таким Алексей его еще не видел. Темнить и ходить кругами не Серегин стиль. У них случались размолвки, но говорили они друг другу все. Напрямую, в лоб. А теперь Серега мнется.

– Видишь ли, Леха. Ты теперь получаешься свидетель. По делу об убийстве. Короче, мне нужны твои показания.

– Показания?

– Ну да. Чем занималась фирма, как обстояли дела у Волового, какими были его отношения с сотрудниками.

– Его убийство связано с фехтованием. Это кто-то из шпажистов. Братство Кубка.

– Докажи.

– Интуиция.

– Интуиция у тебя больше не работает. Когда-то ты был гениальным сыщиком...

– Что-о?

– А теперь у тебя под носом твоего же шефа убили.

Они стояли у подъезда. Взгляд у Сереги был злым.

– Ты же знаешь, что я не при чем, – тихо сказал Алексей. – Это была машина Самарина. О нем Воловой мне не рассказывал. И опасности с этой стороны не видел.

– Неизвестно, кто был за рулем. Короче. Официальные показания, – отрывисто сказал Барышев.

– Докатились! Между прочим, я тебе верил на слово. И

протоколов не составлял.

Барышев побагровел. Должно быть, вспомнил дело Серебрякова. И ту знаменательную поездку в санаторий, под Новый год.

– Короче так: или ты меня привлекаешь к расследованию, или я – свидетель, – жестко сказал Алексей.

– Короче так. Мы едем к Рошину, потом к Самарину. Если убийца он – дело закрыто. От тебя ничего не требуется. Протокола не будет.

– А ты, Барышев, повзрослел, – усмехнулся он. Когда познакомились, Сереге было двадцать с маленьким хвостиком. «Пацан», – как думал тогда о нем тридцатилетний Леша Леонидов.

– А ты постарел.

– Если добавишь «разжирел», я тебя убью.

– Силенок не хватит, – миролюбиво сказал Барышев.

– А я тебя интеллектом. Интуицией. Я тебе говорю: Братство Кубка. Не случайно это случилось двадцать лет спустя. Как в «Трех мушкетерах».

– Хватить шутить. Пошли на стоянку, – хлопнул его по плечу Барышев.

– А наши жены?

– Вот черт! Хорошо, что вспомнил!

Одновременно они выхватили из карманов мобильные телефоны.

– Сашенька... – сладко пропел Алексей.

– Анята, – басом сказал Барышев.

– Я вернусь поздно...

– К ужину не жди...

– Ну, я же тебе обещал: завтра поедем на дачу.

– Сказал: железно. В зоопарк.

– Что передать? – хором сказали они и переглянулись.

Леонидов убрал мобильник и пожал плечами: – Не очень-то мы им и нужны.

Запихивая во внутренний карман куртки свой, Серега мрачно спросил:

– Леха, чего хорошего в этом зоопарке?

– Семейные ценности.

– А за что мучаются слоны?

– Спроси у слонов.

– Они ж молчат!

– Тогда у попугаев.

– Попугаев мне не жалко. Жалко слонов, – засопел Серега.

– Барышев, достал! Родственными чувствами!

– Ну, извини.

Помирились. Минут десять пришлось топтать до гаража. Проблему эту Леонидов решил год назад. Раньше ему приходилось держать машину на платной стоянке и ездить туда на автобусе. Две остановки, либо двадцать минут пешком. Но с год назад в микрорайоне сдали гаражный комплекс. Новенький, с иголки. Воловой сотрудников не обижал, платил хорошо. И в кредите не отказал. Получается, что Леони-

дов кругом ему обязан.

Гаражу Барышев завидовал белой завистью. Серега был мужик основательный, деревенский. Без инструмента под рукой чувствовал себя не в своей тарелке, а переезжая с одной съемной квартиры на другую, до инструмента ли? Понимая это, Алексей дал ему ключи от своего гаража: пользуйся. Ежели картошку надо хранить – храни!

Так что, картошка у них с Барышевыми была общая. Серега привозил ее с родины, отборную и такую вкусную, что после нее никакая другая в рот не лезла. Отпирая гараж, Алексей невольно усмехнулся. Вот ведь! Картошка общая, а проблемы собрались поделить! Сесть по разные стороны стола и положить на него какую-то бумажку. Под названием протокол.

– Картошка-то еще осталась? – заглянул в гараж Барышев. – Слушай, может, огурчиков соленых прихватим?

Огурцы он тоже привозил от мамы. Возвращаясь из отпуска, свои «Жигули» Серега забивал под завязку, а потом разгружал у друга в гараже.

– А зачем нам огурцы? – сделал наивное лицо Алексей.

– А мы что, водку пить не будем?

Как будто ничего и не было. Водку-то пьют без протокола!

– Водку пить будем. Ее нельзя не пить, хотя, пить ее, сразу, нельзя, алкоголь разрушает мозг. Но трезвыми глазами смотреть на этот мир невозможно, тоска одолеет, – он вздохнул и прихватил трехлитровую банку, где в прозрачном рас-

соле плавали ядреные огурцы. Фирменные, барышевские. С пупырышками. И с хреном.

Помирились. Банку он запихнул в багажник своего «Пасата». Вывел машину из гаража и крикнул Сереге:

– Запри!

Тот запер гараж и уселся рядом, на переднее сиденье. Леонидов не удержался и съязвил:

– Как министр! Важный. Быть тебе, Серега, генералом. Как минимум, полковником.

– Я еще даже капитана не получил. Не догнал тебя по званию.

– Так я же в отставке!

– Это без разницы. Бывших офицеров не бывает. Адрес Рощина знаешь?

– Знаю, что в центре.

– У него шикарная квартира у метро Пушкинская.

– Ого!

– Ориентир держи на Макдоналдс. В курсе, где это? – ехидно спросил Серега.

– В курсе мой бедный желудок. Вот ты: можешь есть все, что хочешь. Хоть жареные гвозди. А для моего организма холестерин губителен. Я прекрасно знаю места, где мне бывать категорически нельзя. В этом Макдоналдсе на Пушкинской мои дети меня как-то отравили.

– И в самом деле: стареешь. Ворчишь, как старый дед. На здоровье начал жаловаться.

– Доживешь до моих годов...

Барышев рассмеялся. Алексей с откровенной завистью покосился на лучшего друга: зубы как у лошади! То есть, у коня. Боевого. И ржет как конь. Здоровый, черт. Физподготовкой не пренебрегает. Под кроватью у Сереги – штанга. И пудовая гиря. Мышцы каменные, пресс железный. С Барышевым хоть в разведку, хоть в атаку. На врага с голыми руками. Алексею живо представился тонкий, как хлыст Рошин со шпагой в руке, и Серега, с крепко сжатыми кулаками. А если Рошин – убийца? Звонок-то был с его квартиры!

Итак, Рошин живет на Пушкинской. Дорогое удовольствие. Выводы делать рано, но... Сколько получает театральный режиссер? А модный театральный режиссер?

– Что ты знаешь о Евгении Рошине? – словно подслушав его мысли, спросил Серега. Они ехали в сторону центра.

– Знаю? Откуда? Воловой не рассказывал мне о своих друзьях, не настолько мы были близки.

– Ты больше меня разбираешься в этом... в искусстве, – поморщился Барышев. – О культуре я знаю только то, что так называется телевизионный канал. На пятой кнопке. А ты его сразу узнал. На фотографии.

– Канал?

– Рошина, – сердито сказал Серега.

– А ты узнал Белкина.

– Жена по вечерам смотрит сериалы. То есть, ужин готовит. А телевизор на кухне включен. Белкин мне в прошлом

году глаза намозолил. Анята все стонала: «Ах, какой красавчик!» А по мне, так он...

Барышев нецензурно выругался. «Ревнует», – с удовлетворением заметил Алексей. И спросил:

– Почему ты думаешь, что он голубой?

– А какой? Фиолетовый в крапинку?

– В журнале «Большой Экран» писали, что Белкин неоднократно разведен, а его гражданским бракам нет числа. По свету разбросана куча белкинских детишек, он и сам не знает точное их количество. А сейчас живет с юной студенткой. Пишут, что изменяет ей направо-налево. Так что, с ориентацией у него все в порядке. Зря ты.

– А чего он тогда такой... – засопел Серега.

– Какой?

– Смазливый.

– А разве это запрещено? Ну, арестуй его за это. Кстати, актер он плохой. Потому, несмотря на броскую внешность, и не востребован. То есть, не так, как другие. Есть такие парни, которые кочуют из сериала в сериал. И моя жена, так же как и твоя, на них смотрит. А что касается Рощина, к которому мы едем... – и он невольно вздохнул. – Александра увлекается театром. Таскает меня на модные премьеры. И канал «Культура» регулярно смотрит она. Я в это время молча пережевываю пищу.

– А Рощин?

– Рощин вещает. Частенько там появляется. Язык у него

подвешен хорошо. Суть его речей в том... Словом, Роцин вошел в конфликт с представителями так называемой старой школы. Его цель – сделать театральные подмостки доходным предприятием. Типа станка. И рубить на нем капусту. Шинковать зеленые. Грины. Недавно была с ним передача. Минут на сорок, потому я его личность и запомнил. Первым делом Роцин заявил, что все театральные премии поделены между своими. Все решено заранее, и оттого – скучно. Что надоело смотреть одно и то же: «Ромео и Джульетту», «Гамлета», «Отелло». Того же бесконечного Островского или Чехова. Каждый сезон премьеры. Пьеса, которой больше века. Вариации на тему. Мол, сколько можно? Евгений Роцин действует по другому принципу. Он работает антрепризу. Собирает актеров, имена которых всем известны, так же, как и лица, и ставит с ними спектакль. Только современные пьесы. Остросюжетные. Открывает доселе неизвестных авторов. Думаю, что ему за это приплачивают. Арендует помещение, дает громкую рекламу. Десять спектаклей – и все разбежались. Максимум, двадцать. Никаких повторов. Сыграно – забыто. Все билеты проданы. Аншлаг. А он уже репетирует другую пьесу. Надо заработать – везут спектакль в провинцию. Проедет по городам и весям, даст представление в одном городе, в другом. Везде аншлаг. Зритель валом идет посмотреть на знаменитостей.

– Должно быть, у него много денег, – задумчиво сказал Серега.

– Не знаю. По доходам и расходы. Знаю только, что его не любят. Но Рошин – парень железный. Ему на это наплевать. Верит, что за ним будущее.

– А что говорит твоя жена?

– При чем здесь моя жена? – откровенно удивился Алексей.

– Ну, она же увлекается театром! Она за или против?

– Александра любит экспериментальные постановки. Я, признаться, нет. Она говорит: да, мол, смотреть нечего. Где-то Рошин прав. Но очень уж он жесткий человек. Не говорит: режет.

– Лучше сказать: колет.

– Может быть, – рассмеялся Алексей. – Рубит и колет. Он же бывший фехтовальщик!

– Словом, такой человек мог и убить.

– Вот ты куда клонишь! А что у него общего с Воловым?

– Тебе виднее. Может, деньги? Не женщина же.

– Исключено, – отрезал Алексей. – Жене Воловой не изменял. Деньги? Братство Кубка? Гм-м-м... Это можно узнать только у Рошина.

– Итак, кое-что мы знаем о Рошине, немного о Белкине. А четвертый? Тот, чья машина сбила Волового?

– Ничего, – покачал головой Алексей. – Не видел, не слышал, не читал. Самарин – темная лошадка. И куда теперь?

Барышев достал из кармана бумажку с адресом. Сориентировавшись, повернули налево. Минут через десять нашли

нужный дом. Въезд во двор преграждал полосатый шлагбаум. Но там, за шлагбаумом, стояли машины: «джипы», «Мерседесы», «БМВ»...

Барышев вылез из машины и пошел к шлагбауму. Покрутил в руках замок, пожал плечами. В замке что-то хрустнуло.

– Что ж ты, паразит, делаешь?! – закричала женщина в оранжевом жилете, взяв наперевес метлу. – Охрана! Где охрана?! Мать их так!

– Я что? Я ничего? – вновь пожал могучими плечами Серега.

– Бандиты! – заорала дворничиха. – Грабят!

К Барышеву уже спешил крепкий парнишка в камуфляже.

– Осади назад, – грозно заявил парнишка.

– Мне надо.

– Ты че, не понял?

Парнишка разбился о мощную Серегину грудь, как о стену. Казалось, тот как стоял, так и стоит. Почти незаметный для постороннего глаза взмах руки, лучше сказать, тычок, и парнишка согнулся пополам и невольно попятился. Потом, тяжело дыша, опустился на землю. Голова у него моталась, словно цветок на тонком стебле. А ветер дул со стороны Сереги Барышева.

– Серега, кончай кулаками махать, – недовольно сказал Алексей, вылезая из машины.

– Проверил боевую готовность, – усмехнулся Барышев. – А если бы и в самом деле бандиты? Парень, все в порядке.

Милиция.

И Барышев протянул парню сначала руку, а потом сломанный замок. Тот постепенно приходил в себя после нокаута.

– Мой друг пошутил, – заверил парнишку Леонидов. И, поймав испуганный взгляд охранника, пояснил: – Не насчет милиции. Мы и в самом деле оттуда. Порой этот товарищ неудачно размахивает руками. Попадает во всякие предметы, а кулаки у него ого-го! Сам видел.

– Вам чего надо? – спросил охранник, пристраивая замок обратно на шлагбаум. Потом спохватился: – Да вы проезжайте! Чего там!

Леонидов пристроил свой «Пассат» рядом со сверкающей «БМВ» седьмой серии. Понятно, какие люди здесь живут! Богачи! Барышев тем временем пытал охранника:

– Рощин Евгений, режиссер, в каком подъезде проживает?

– Второй подъезд, третий этаж, – нервно облизывая губы, сказал парень.

– Код замка?

Охранник назвал комбинацию цифр.

– Леха, пошли.

В подъезде Леонидов хмуро спросил:

– Серега, что случилось? Почему сорвался?

– Окопались тут! Сволочи, – сквозь зубы сказал Барышев.

– Спокойнее. Не принимай так близко к сердцу социальное неравенство. Ты же знаешь: не в деньгах счастье.

– Заткнись!

– Только не надо истерики: «Я за них кровь проливал!» Ты же мужик! Не рви на груди тельняшку, пулемета поблизости нет. Прибереги сильное чувство.

Барышев засопел, но промолчал. Алексей его понимал. Предел Серегиных мечтаний – собственная однокомнатная квартира на окраине столицы и новые «Жигули». Планка на высоте, которую Барышеву надо взять, все время поднимается, потому что цены на квартиры растут. Его жена по этому поводу то и дело принимается рыдать. Вот Серега и сорвался. А ведь он – живой Терминатор. Машина для убийства. Если такой человек выйдет из равновесия, столько дел может натворить!

– На лифте поедем? – как можно спокойнее спросил Алексей.

– Третий этаж, – оскалился Барышев.

– Что ж, пошли пешком.

Лестничные пролеты были не просто широкие. Широчайшие! Дом старый, очень старый, но после капитального ремонта. От былых времен остались только стены, толстые, как в рыцарских замках, да планировка квартир, когда в однокомнатной пятьдесят метров жилой площади, не меньше. Он шел за Серегой, стараясь не отстать. Барышев шагал словно по асфальтовой дорожке, а не по ступенькам, даже дыхание не сбилось.

На площадке третьего этажа Серега остановился. Подо-

шел к двери, прочной, железной, каковые и должны быть в таком элитном доме. Оглянулся:

– Звонить?

– Звони, – кивнул Алексей.

Барышев надавил на кнопку электрического звонка. Послышалась мелодичная трель. Но к двери никто не спешил.

– Еще? – спросил Серега.

– Еще.

Позвонили. Подождали.

– Ну, что? К соседям звякнуть?

– погоди, – тронул его за рукав Леонидов. И внимательно пригляделся к железной двери: – А тебе не кажется, что...

– Ты хочешь сказать...

– Вот именно.

Дверь была очень тяжелой. Если бы другая, полегче, оказалась не заперта, она бы не прилегала так плотно. Или сквозняк все равно бы ее приоткрыл. Эта дверь была Дверь! Потому стояла, как скала. Хоть железную руду из нее добывай! Но Алексей уже понял: не заперта. То есть, если потянуть за ручку...

И Серегин взгляд он понял прекрасно: «Потянуть?» И задумался. Что бы могло быть за этой дверью? Потом достал из кармана носовой платок.

– На всякий случай. Побережем отпечатки. Пожалуй, мы войдем.

– А есть варианты? – сверкнул белоснежными зубами Се-

рега.

– Помолчи, умник.

Он открыл дверь сам. И первым вошел в квартиру. Потом пошарил по стене и щелкнул выключателем.

туше

Потолки здесь были не просто высокие. Высоченные! Сначала Алексей очутился в холле. То есть, в просторной прихожей метра этак три на три. Пол был паркетный и блестящий, словно здесь недавно разлили подсолнечное масло. Прямо перед Алексеем была дверь. Открываясь, она складывалась гармошкой, сейчас меха были растянуты, в воздухе повисла долгая пауза. Алексей уже понял, что за этой дверью находится зал и почувствовал где-то внутри знакомую вибрацию. Нервы были натянуты до предела. В воздухе ощущимо пахло железом. Именно железом. Металлический запах, от которого даже во рту была оскомины, такая, что скулы сводило. Алексей огляделся.

Направо – длинный коридор, заканчивающийся еще одной дверью. Железной. Ее предназначение Леонидов пока не определил. Там же, в конце коридора, по левую сторону, была еще одна дверь. Либо ванная, либо туалет. В такой квартире санузел может быть только раздельным. И метрах в четырех от «гармошки» – белая дверь. Плюс белая дверь следом.

Пересчитав двери, Барышев присвистнул:

– Неплохо!

– Есть здесь кто-нибудь? – громко спросил Алексей. – Хозяин дома?

Всю стену, четыре метра от «гармошки» до двери в соседнюю комнату занимал стеллаж с книгами. Судя по однотонным, с золотым тиснением корешкам книг, – собрания сочинений классиков. Прищурился: Пушкин, Толстой, Достоевский...

Алексей сделал несколько шагов вперед и машинально провел пальцем по переплетам, прочертив горизонтальную линию. На пальце осталась пыль. Оглянулся на Барышева:

– Ну, что?

– Должно быть, в зале, – хрипло сказал Серега.

И коснулся рукой «гармошки». Меха всхлипнули, потом жалобно разрыдались: раздвижная дверь поехала в сторону. Алексей замер на пороге. То, что он увидел, потрясло.

Зал в квартире Рощина был огромным, в два окна. Площадью метров тридцать пять, не меньше. А то и все сорок. Высоченный потолок, на потолке лепнина. В центре торчал мощный крюк, на крюке висела роскошная антикварная люстра: бронза и хрусталь. Мебели было мало, или она терялась в просторном помещении и казалась незаметной? Посреди зала лежал огромный ковер, но и он не мог закрыть всего пола этой огромной комнаты.

На ковре, почти в самом центре, лежал Евгений Рощин. У

него в горле зияла рана, кровь из нее уже не текла. Видимо, с момента смерти прошел не один час. Точнее скажет эксперт. Рядом с телом лежала дуэльная шпага, обоюдоострое оружие со стальным клинком трехгранного сечения, пальцы правой руки мертвеца были скрючены, словно до последней секунды Роцин сжимал в руке шпагу, и только смерть разлучила его с любимым клинком.

Евгений Роцин был одет в черные кожаные штаны и белую рубашку, расстегнутую на груди. Рубашка была в крови. Кожа на груди режиссера была смуглой и гладкой. Густые черные волосы на голове у Роцина были стянуты на затылке в «хвост». Тонкой черной резинкой. В правом ухе сверкала серьга. Золотое кольцо, украшенное россыпью бриллиантов. Уж очень ярко сверкали камни! Зато на ногах была спортивная обувь. Роцин лежал на боку, поджав под себя правую ногу.

Глаза его были широко открыты. На лице застыло выражение чрезвычайного удивления.

Фраза вторая

ложная атака

– Пижон, – не удержался Леонидов. – И смерть его пижонская.

– Согласен, – кивнул Барышев.

Алексей подошел ближе. И долго смотрел в лицо знаменитого режиссера. Застывшее навеки, оно стало еще более острым и хищным. Тонкие черные брови вразлет, высокий лоб, хрящеватый нос...

– Леша, что делать будем? – раздался из-за спины напряженный голос Барышева. – Звонить?

– Звони, – равнодушно сказал Алексей.

Его вдруг одолела черная зависть. Зависть к чему? К красивой смерти? Белая рубашка, расстегнутая на груди, серьга в ухе! Как эффектно Рошин раскинулся на ковре! Пронзенный дуэльной шпагой. По спине Леонидова пробежал холодок. Тот не мужчина, кто не мечтает подержать в руках боевое оружие! А умереть со шпагой в руке?

Красиво. Тут уж ничего не скажешь!

– А где же вторая? – вдруг спохватился он. – Где орудие убийства?

– Лучше ничего здесь не трогать, – поспешно сказал Барышев. – Наши сейчас приедут.

– Да брось! – отмахнулся он.

Второй шпаги в комнате не было. Алексей огляделся. Колет, в котором проводят тренировки фехтовальщики, висел на стене. Тут же висели две маски. Одна с глухой черной сеткой, через которую не видно лица, другая странной формы, с темным квадратным стеклом. То есть, какой-то особый материал, новейшая разработка.

На Евгении Рощине маски не было. Не было на нем и колета.

– Знаешь, что я скажу, Серега, – задумчиво изрек Алексей.

– Ну?

– Это была дуэль.

– Ерунды не говори! – отмахнулся Барышев.

– А я тебе говорю: дуэль. На нем не было маски. И грудь ничем не защищена. Они сходились не на жизнь, а насмерть. Как смертельные враги.

Он нагнулся и внимательно оглядел шпагу, лежащую подле тела Евгения Рощина. Гарда, защищающая руку, была круглая, гладкая, без всяких украшений. Современное оружие, без изысков. Не раритет, как в квартире Петра Волового. Но клинок острый. Заточенный.

– Или мне кажется, или на острие кровь. Подойти, глянь, у тебя глаза получше.

Барышев подошел. Нагнулся и зачем-то принюхался. Потом пожал плечами:

– Похоже на то. Но совсем чуть-чуть. Капелька. Выходит, задел?

– Задел.

– Тем проще!

– Проще найти убийцу? – усмехнулся Алексей. – Ну-ну. А вот и знаменитый кубок.

Он подошел к стене, возле которой было сооружено некое подобие алтаря. Предметом, которому поклонялся Евгений Роцин, была хрустальная то ли салатница, то ли ваза для конфет. Которая громко называется Кубком. Алексей узнал ее по фотографии. Фотография висела на стене, в витиеватой рамке. Такая же, как в альбоме у Петра Волового. Но сильно увеличенная и, похоже, отреставрированная. Именно этот предмет, то есть хрустальную салатницу, Роцин держит в руках, а рядом стоят его преданные мушкетеры.

И чем все закончилось...

Барышев подошел, с интересом посмотрел на кубок. Потом на фотографию. Алексей невольно вздохнул. Тронул за плечо друга:

– Я пойду, осмотрюсь.

– Ничего не трогай, – сказал ему вслед Барышев.

– Не учи ученого. Лучше возьми понятым.

Соседняя дверь оказалась дверью в спальню. Стена между двумя комнатами была толстенной. Вот где звукоизоляция!

Не то что в новых домах! В отличие от зала, спальня была крохотной. Бывшая кладовка, что ли? И что за постройка? Купеческий дом? Дворянское гнездо? В зале они принимали гостей, а здесь жила прислуга. Повариха, или горничная.

В спальне он сразу же увидел то, что искал. На кровати валялась вторая шпага. Точно такая же, как и первая. С острым стальным клинком трехгранного сечения и круглой гардой. Сестры-двойняшки. Значит, после того, как Роцин был убит, преступник не сбежал, а прошелся по квартире. Искал что-нибудь? Запаниковал и начал метаться? Следов беспорядка нет, в вещах покойного не рылись. А оружие убийства он бросил в спальне. Почему?

Первым делом Алексей подошел к шпаге. Не трогать так не трогать. Но то, что крови на острие нет, он увидел сразу. По крайней мере, столько, чтобы сомнений не оставалось: этот клинок торчал в горле Евгения Роцина, когда того закололи. Убийца вытер шпагу? Но на клинке все равно остались бы микрочастицы вещества! Это бессмысленно! Не знал этого? Детективов не читает? И не смотрит? Кто в это поверит?

На полу, почти под самой кроватью, валялся носовой платок. Следов крови на платке не было. Острие вытирали не платком. А зачем тогда платок? Алексей сообразил: платком убийца вытирал рукоять шпаги. Уничтожал отпечатки пальцев. В общем, сумбур. Да и дуэль, судя по всему, не была запланирована заранее. Встретились, повздорили и сошлись в смертельном поединке. Потом убийца запаниковал.

Аккуратно, двумя пальцами, Алексей поднял за уголок носовой платок. Мужской, судя по размеру и цвету. Не ширпотреб, куплен в дорогом магазине. Ткань смесовая, не мнется, стирается легко. Приметный платочек. Зацепка. Жаль, монограммы нет.

Еще он обратил внимание на трюмо, стоящее в спальне. Вещь середины прошлого века. Двадцатого. Мебель периода активного строительства социализма, такая же простая, как тогдашний быт. Угол ободран, одна створка висит на честном слове. Бабушкино наследство? Выкинуть жалко? Евгений Роцин не производил впечатления человека сентиментального. Но, как говорят, чужая душа – потемки.

На трюмо лежала открытая коробка с театральным гримом. И, кроме того, там валялись кисти, которыми наносят румяна, пуховка, маленькие тонкие кисточки и еще какие-то предметы, предназначения которых Алексей не знал. Но ведь Евгений Роцин – театральный режиссер. В том, что в его спальне находятся эти предметы, нет ничего удивительного. Быть может, он репетировал дома? Вон у него какой зал! Или состоял в любовной связи с актрисой. Грим и все эти непонятные штучки принадлежат ей.

Алексей нагнулся, понюхал грим. Пожал плечами. Что он в этом понимает? В спальню заглянул Барышев:

– И что тут интересного?

– Орудие убийства. Вторая шпага.

– Да ну?! Вот это здорово!

– Это нормально. А ты ожидал, что убийца ее по улице понесет? Дуэльную шпагу? Это тебе не батон колбасы и даже не пистолет, который в кармане можно спрятать. Разумеется, он оставил шпагу здесь. Тем более, что это шпага Рощина.

– Откуда ты знаешь?

– В кабинете у Волового сколько дуэльных шпаг на ковре висит?

– Две.

– И здесь было две. Зачем ему одна? Самому с собой тренироваться?

– Леша, ведь это дуэльные шпаги! Острие клинков заточено! О каких тренировках ты говоришь?!

– А ты знаешь этих людей? Знаешь, чем они занимались? Может, у них хобби такое: биться на дуэльных шпагах до первой крови?

– С ума, что ли сошел? – сердито сказал Барышев. И ткнул пальцем в грим: – А это что?

– Осторожно!

Барышев брезгливо понюхал испачканный палец:

– Краска какая-то. Он что, с бабой жил?

– Роцин был женат. Подробностей не знаю. На вопрос журналистки ответил коротко: я женат, но от комментариев воздержусь.

– И где жена?

Алексей пожал плечами:

– Быть может, на даче?

– Что мы имеем? Мы имеем все, – возбужденно сказал Барышев. – Машину, которая сбила Волового, шпагу, которая проткнула Рощина. Дуэльную. Послушай... Они часом, того? Не одновременно?

– Эксперт уточнит время смерти. Но, думаю, Евгений Рощин Волового не убивал. В это время он, скорее всего, дрался на дуэли.

– Эк заладил! Дуэль, дуэль... Убийство!

– А если он защищался? Не забывай: Рощин был отличным фехтовальщиком. Вон он как вышел на бой! По-гусарски! В расстегнутой рубашке, с голой грудью! Мол, все равно не достанешь!

– Значит, мы твердо знаем, что искать убийцу надо среди фехтовальщиков, – торжественно сказал Серега.

– Молодец! Соображаешь. Маленькая поправка: среди хороших фехтовальщиков. Среди очень хороших фехтовальщиков.

– Леха, беру свои слова назад, – засопел Барышев. – На счет твоей интуиции. Это не бизнес. Понятно, что обе эти смерти связаны между собой. Ты просто не мог знать...

– Извинения принимаются.

Тут Барышев прищурился, глядя на пол, потом нагнулся со словами:

– А это еще что? Глянь, пуговица!

Алексей присел на корточки:

– Молодец, зрение отличное! А я вот не увидел. Махонь-

кая. Похоже, что от рубашки. От мужской. А самой рубашки я не вижу. Надо бы осмотреть гардероб Рощина.

– На ней вроде буковки какие-то. Нерусские.

– Из фирменного магазина вещь. Надо будет мужикам сказать.

– Дойдут до спальни – сами увидят. Не увидят – я скажу.

– Ты выяснил, что за дверь в конце коридора?

– Нет.

– Эх ты, сыщик! Ведь это же очень интересная дверь! Пошли.

Они вышли из спальни и двинулись по коридору. Толкнув следующую дверь, Алексей убедился: ванная комната. Метр стены и проход на кухню. Маленький коридорчик и скромных размеров помещение, похожее на пенал. Длинное и узкое. Алексей увидел плиту, холодильник, кухонный стол. На нем – приготовленный поднос с закусками. Бросалась в глаза бутылка дорогого виски. Так и есть: Рошин ждал гостя.

А вот и конец коридора. Эта железная дверь была заперта. Алексей уже понял: черный ход. До чего же они интересные, эти старые дома! Алексей покачал головой. Куда она ведет, лестница черного хода? Гость мог прийти через парадную, а мог прийти тайно. Это затрудняет расследование. Но вот это...

Это его заметно облегчит. Он вновь достал из кармана носовой платок, нагнулся и поднял с пола серебряный портсигар.

– Ух ты! – пришел в бурный восторг Серега. И было отчего!

Алексей осторожно открыл портсигар. Словно бы для того, чтобы окончательно снять с повестки дня вопрос об убийце Рощина, внутри была гравировка.

– «Любимому, дорогому, ненаглядному Валерику от Мани», – прочитал он вслух.

– Ага! – заорал Барышев. – Значит, мы вычислили и второго убийцу! Это был Белкин!

– Белкин был здесь, – поправил Алексей. – Не исключено, что был сегодня.

– И убил Рощина!

– А вот это еще надо доказать.

Все было так просто на первый взгляд. Мушкетеры повздорили. Двадцать лет спустя. Самарин сбил машиной Волового, Валерий Белкин проткнул шпагой Рощина.

– У меня такое ощущение, что все эти «очевидные факты» словно нарочно выпирают наружу. Уж настолько все очевидно! Нам словно бы подсовывают и одного убийцу, и второго. Но так не бывает!

И тут в прихожей послышались голоса.

– О! Приехали, – сказал Барышев. – Ну, Леха, приступай к обязанностям понятого. Смотри, слушай...

реприза

Второй раз Евгений Роцин женился по глупости.

Он только что получил долгожданную свободу: развелся с Милочкой. Состоялся скандальный раздел имущества, с криками, с битьем посуды, с тасканием негодяя по судам. То есть, Евгения. Трехкомнатную квартиру в престижном районе, в которой они жили, пришлось разменять. Львиная доля, хорошая двухкомнатная квартира, досталась бывшей жене. Туда же переехал новый холодильник, японский цветной телевизор, вся мебель из зала и спальный гарнитур. Милочка уехала следом за грузовиком на серебристой «Тойоте». Ключи от старых «Жигулей» достались Евгению Роцину. Он подбросил их в руке и улыбнулся: свобода! Осознанная необходимость, ради которой приходится жертвовать другими осознанными необходимостями. Холодильником, телевизором и видеомангофоном.

В однокомнатную на окраине Москвы он переехал без сожаления. Надо все начинать сначала. Он уже знал, как заработать большие деньги. Самое главное: у него есть имя. За десять лет Женька Роцин оброс связями, полезными знакомствами, журнальными и газетными статьями, в которых его имя мелькало рядом с именами людей влиятельных и знаменитых.

Было жаркое лето, Москва плавилась под солнцем, как ку-

сок сливочного масла, даже асфальт в городе был жирным и весь лоснился. Жара сводила людей с ума. Евгений Роцин принимал экзамены в театральный институт. Да, он достиг таких высот. Сам теперь решал, кому быть, а кому не быть.

Она стояла у доски объявлений, спиной к нему. Светловолосая девочка в голубом сарафане. Лопатки торчали, чуть выше заканчивались белокурые локоны. Роцину показалось, что ей лет пятнадцать, не больше, такая она была худенькая и робкая. Он замер в дверях, ожидая, когда девочка обернется. Эти несколько минут были самыми сладкими в его жизни. Ради них он и сделал самую большую в жизни глупость.

Обернулась. Лицо у нее было прекрасное. Ангельский взгляд огромных голубых глаз, аккуратный маленький носик, розовые, по-детски пухлые губы. И трогательные веснушки на носу. Ради этих веснушек он готов был сейчас заскакать козлом и в голос закричать от рвущегося наружу счастья.

Наваждение просто. Потом он списал это на жару. Девочка смотрела на него, он, не отрываясь, смотрел на девочку. Надо было что-то делать. Роцин решился и шагнул туда, к ней. По телу бежали мурашки. Он, казалось, замерзал. В такую-то жару! Только она могла согреть и вернуть его к жизни, эта девочка.

– Excusez-moi... Извините... Вы поступаете в наш институт? Je vous ici auparavant.

– Да.

Слово «наш» произвело на нее впечатление. Равно как и слова на незнакомом языке, таком далеком и прекрасном. Девочка широко распахнула и без того огромные голубые глаза и опустила руки вдоль тела. Это была поза человека, готового на все.

– Москвичка?

– Нет.

Она назвала город, откуда приехала. Название ему ничего не говорило.

– Как зовут?

– Александра. Саша.

Его вдруг затрясло. Саша, Сашенька. Милый ангел с лазоревыми, как небо, глазами. Другие глаза, глаза цвета моря, тут же были забыты.

– Саша, сколько вам лет?

– Семнадцать.

Семнадцать! Ему вдруг показалось... Да, ему показалось, что если начать все сейчас, с самого начала, жениться на этой девочке, воспитать из нее любящую жену, заботливую мать... И все получится. Все. Она будет ему благодарна всю оставшуюся жизнь. Из этой благодарности можно выстроить крепость семейного счастья. Незыблемую крепость.

А что касается любви...

– Саша, если хотите, я устрою вам прослушивание. Приходите ко мне домой, и...

Голубые глаза распахнулись еще шире. Губы у девочки за-

дрожали.

– Хорошо, я приду, – сказала девочка. Рощину показалось, что она сейчас заплачет. Эти секунды и эти дрожащие губы решили все...

...Она поступила в театральный институт. А через полгода стала его женой. Эти полгода Саша жила у него, и этот факт Рощин тщательно скрывал от Марго. Наконец, настал момент решительного объяснения.

Рощин шел к своей давней любовнице и прокручивал в голове варианты предстоящего диалога. Как объяснить Марго, что пятнадцать лет – это огромный срок для такого чувства, как любовь? За пятнадцать лет люди устают друг от друга. Время расставаться, а не оформлять отношения официально. Это надо было сделать раньше. Вот если бы тогда, до его женитьбы на Милочке, она настояла...

Он заготовил десятки аргументов. Неопровержимых. Не пригодился ни один. Марго выслушала его молча. Рощин ожидал, что начнется истерика. И внимательно вглядывался в лицо своей давней любовницы. Сашеньке, его ненаглядной Сашеньке, только-только исполнилось восемнадцать. Марго перевалило за тридцать. Сейчас она была еще красивее, чем десять лет назад. Кайма вокруг чувственных губ еще больше потемнела, глаза стали глубже, движения сделались плавными, зрелыми.

Но Рощин всего этого словно бы не замечал. Как упорно не замечал многочисленных Сашенькиных недостатков.

Списывал все на молодость и чувственную страсть, которой оба упивались вот уже полгода. Он был одержим идеей. Взять в жены девочку и воспитать из нее идеальную жену. Эхо, которое будет повторять каждый его вздох.

– Она красивая? – спросила Марго.

– Что?

Рощин покачал головой. Ах, эти женщины! Ну, как их понять? Но сказал правду:

– Да. Очень.

– Что ж... – Марго надолго замолчала, словно бы что-то обдумывая. Он стоял и тоже раздумывал: уйти прямо сейчас? Объяснение состоялось, она приняла известие спокойно.

– А она тебя любит? – спросила вдруг Марго.

– Я об этом не думал, – вновь честно ответил Рощин.

– Женя, Женя... Сказать по правде, мне тебя жаль.

Вот тут он и хлопнул дверью. И подумал, что на этот раз все. Точка. Туше, после которого поединок заканчивается, и противники расходятся навсегда. Один с победой, другой с засчитанным поражением. Любовный роман, почти достигший совершеннолетия, отпустил Евгения Рощина на волю. Избавил от роли няньки.

Через месяц была свадьба. На этот раз скромная. Заехали в ЗАГС, расписались, вечером посидели с друзьями в ресторане. Ужин был на десять человек, даже родителей Сашеньки на свадьбу не позвали. Дорога дальняя, а высылать денег

на билеты новой родне Роцин не собирался. Он твердо решил приучать молодую жену к экономии. Путь от бедности к богатству они пройдут вместе. У нее будет все, но не сразу. Процесс воспитания начался.

...Сашенька освоилась быстро. Муж целыми днями пропадавал на работе, брался за любую халтуру. Работал на открытых площадках, во время массовых народных гуляний, ставил Новогодние утренники для детей, шоу на корпоративных вечеринках... Словом, Роцин зашивался. Это был самый тяжелый период его жизни, период становления. Потом он вспоминал это как кошмар. Как дурной сон. И презирал себя за эту пахоту. Надо было бы малой кровью, но... Во всем виновата эта дрянь!

Сашенька училась, то есть, безбожно прогуливала занятия, прикрываясь мужем, целыми днями висела на телефоне, а вечера проводила с многочисленными подружками, задерживаясь допоздна в ночных клубах. Это оказалось бестолковое существо, безмозглое, пустое и, в довершение всего, нахальное. Вместо того чтобы смотреть мужу в рот, она огрызалась, не умела готовить ничего, кроме яичницы, и не желала брать у свекрови уроки кулинарии, ленилась делать уборку, а замоченное Сашенькой белье подолгу кисло в ванне.

Роцин был в ужасе. Она же ничего не умеет делать! И не хочет! Его уже тошнило от магазинных пельменей, в доме был бардак, а жена только пожимала хрупкими плечиками:

«Тебе это мешает? Мне нет!». Наваждение прошло быстро. Через год Рошин понял, что сделал великую глупость. Тринадцать лет разницы в возрасте между ними – это пропасть! Жена абсолютно не разделяет его интересов. У нее на уме только танцы, пиво-сигареты и, не исключено, что мальчишки. Она возвращается за полночь и на уместный вопрос законного мужа «где была?» огрызается:

– Гуляла! А что? Нельзя?

Дороже мужа ей многочисленные подружки, а что касается детей...

– Я что, похожа на идиотку? Мне карьеру надо делать!

Почему-то Сашенька была уверена, что ее, молодую актрису, после окончания института расхватают. Но Рошин-то знал: кроме внешности у Сашеньки нет ни-че-го. Ни грамма таланта. И если бы не он...

Ах, если бы не он! Ехать бы Сашеньке после первого же тура обратно в «Как-его-тамск». Либо заняться древнейшей профессией. Ни на что другое она не годится. А поди ж ты! Говорит о какой-то карьере!

Несколько раз Рошин не выдержал и отвесил молодой жене пару увесистых пощечин. За ночные гулянки. Глотая злые слезы, Сашенька обругала его нецензурно. Он ответил ей по-французски, на что жена сказала: «Козел». И Рошин понял, что Сашенька права. Только не козел, а осел. Ибо только осел мог жениться на потенциальной шлюхе. В Сашенькином будущем он ни секунды не сомневался.

Последней каплей был эпизод, в общем-то, рядовой. Он, усталый, замотанный, возвращался с очередной халтуры, и напряженно думал все о том же: где перехватить денег? Денег надо много. Идея есть, денег нет. Об этом Роцин и думал. Так напряженно, что голова гудела. Шел и думал. И шел.

Три девушки шли навстречу. Лет двадцати, в узких джинсах и маечках. Голые пупки, загорелые лица и плечи, на спинах рюкзаки, на колечках, свисающих с рюкзачков, болтаются смешные плюшевые игрушки. У одной голубой медвежонок, у другой – длинноухий розовый заяц с морковкой, зажатой в лапах. Молодые, беззаботные. Они идут и смеются. Пьют пиво, одновременно затягиваются сигаретами. И вот бредет он, Евгений Роцин. От смертельной усталости миллионлетний старик. Именно так он себя и чувствовал: на миллион лет.

Девушки прошли, не обратив на него внимания. И он прошел мимо. Потом обернулся. Взгляд задержался на розовом зайце. Роцин наморщил лоб: что-то знакомое. И только тут сообразил, что одна из трех – его жена. *Его жена.*

Они одновременно прошли по одной улице, и друг друга даже не узнали. На следующий день он выкроил время, забежал в ближайший ЗАГС и подал на развод. Препятствий к этому не было никаких.

Сашенька исчезла из его жизни легко. Получив официальное извещение о том, что их с гражданином Роциным раз-

вели, собрала вещи и упорхнула. Должно быть, к одной из своих многочисленных подружек. Роцин подумал, что, слава тебе, Создатель, не успел ее прописать. Все времени не было.

Делить имущество девятнадцатилетняя девчонка не собиралась. Да и что делить? Однокомнатную квартиру? Сашенька была уверена, что денег у Роцина нет. А посему: невелико сокровище. Таких, как Роцин, она найдет вагон и маленькую тележку. Роцин был уверен в обратном: таких, как Сашенька, можно найти вагон и маленькую тележку. И актрис в том числе.

Их рассудило время.

...Она объявилась через шесть лет. Евгений Роцин за эти шесть лет прошел долгий путь. Научился делать деньги и стал известным режиссером. Он купил овдовевшей матери двухкомнатную квартиру в новом районе и в качестве компенсации за оставленную ему квартиру в центре обязался выплачивать ежемесячное пособие. Деньги эти позволяли матери вести тот образ жизни, к которому она привыкла.

Он построил загородный дом, потому что считал это лучшим вложением денег. И какая разница, чьи это деньги? Раз они попали в его руки?

Сам Роцин переехал обратно в центр и вновь оказался возле Марго. На расстоянии вытянутой руки. И все началось сначала.

Через шесть лет у него был свой офис, небольшое, но

стильное помещение в центре города, на бойком месте. Аренда стоила безумно дорого, но зато престиж! Дела Евгения Рощина шли неплохо, так он, во всяком случае, говорил. Правду знал только он сам. Внешне все выглядело респектабельно.

И вот в этот стильный офис однажды пришла женщина, черты лица которой Евгению Рощину отдаленно кого-то напоминали. Он присмотрелся и ахнул: Сашенька! Потом порадовался за себя.

Во-первых, она располнела. Но по-прежнему носила джинсы в обтяжку. Глядя на ее выпирающий животик и расплывшуюся талию, Рощин злорадно подумал: пиво не надо пить в таком количестве. А глядя в лицо: не надо столько курить. Да и театральный грим сделал свое черное дело. В семнадцать лет она была девочка-цветочек. Сашенька. Сейчас перед ним стояла нахальная разбитная баба, с крашеными волосами и водянистыми глазами, под которыми залегли глубокие тени. Кожа ее лица была несвежей и помятой, словно простыня, которой пользовались не меньше месяца. Кто только ею не пользовался! То есть, Сашенькой.

– Здравствуй, Рощин, – сказала она.

Это была неслыханная наглость.

– Кто тебя пустил? – зло спросил он.

– Я сказала, что твоя жена!

– Бывшая жена.

– Не забывай: у меня есть паспорт. А в паспорте твоя фа-

миллия.

Ах, да! По глупости он дал ей свою фамилию! Собственная-то оказалась неблагозвучной. Девочка «Как-бы-не-смо-розить-глупость» из города «Как-его-тамск».

– А не пошла бы ты вон? – спокойно сказал Евгений Роштин. У которого к тому времени уже было три бывших жены.

– Я предпочитаю остаться здесь.

Она села в кресло, закинула ногу на ногу и достала из сумочки пачку сигарет. Он с откровенной брезгливостью смотрел на жирную Сашенькину ляжку. Его тошнило. Мелькнула мысль: «А не позвать ли охрану?».

– Не спеши, – сказала Сашенька. И с усмешкой оглядела офис: – А ты неплохо устроился. Знала бы, что так будет, ни за что не дала бы тебе развод.

– А куда бы ты делась?

– Роштин! Ты же меня любил! – она хлопнула глазами, как тогда, в семнадцать лет. Но это уже были *не те* глаза.

– Я заблуждался.

– Ты меня соблазнил.

– Ложь! Ты переигрывала, изображая девственницу! Ты всегда была скверной актрисой!

– Но мы два года жили вместе!

– Полтора.

– Ах, ты считал!

– Разумеется. День за два. Ты отняла у меня чистых три года жизни. И, хотя это был самый короткий мой брак, и

самый легкий развод, я считаю себя пострадавшим. Кстати, как твоя карьера? – ехидно спросил он.

– Вот об этом я и пришла с тобой поговорить. Роцин, ты должен мне помочь.

– Что-о?!

Его рука машинально потянулась к тревожной кнопке. Выставить ее вон! Немедленно!

– Я ведь помню. За тобой есть грешок. Помнишь двадцать второе июня? Нам в школе все долдонили: «в этот день, мальчики и девочки, началась война». Потому я запомнила дату. Потом ко мне из милиции приходили. Я сказала все, что ты велел. И подписала.

Он побледнел. Кто бы мог подумать, что дуреха запомнит такую мелочь! Ну, пококетничала с оперативником, зеленым пацаном, только-только из училища, соорудила глазки. И умчалась на вечеринку со сто долларовой купюрой, которую сунул ей муж. К тому времени Роцин уже знал настоящую Сашенькину цену.

– Конечно, это мелочь, – прищурившись, протянула Сашенька. Пардон! Александра Роцина! – Но ведь зачем-то тебе это было нужно?

Это пригодилось ему сейчас! Именно сейчас! Роцин задумался. Потом напряженно спросил:

– Чего ты хочешь?

– Женя, мои дела идут плохо, – жалобно заговорила она. – Главных ролей мне не дают, в кино не снимают. Правдами и

неправдами добилась кинопроб...

Он внимательно посмотрел ей в лицо и усмехнулся. Правдами и неправдами! И есть желающие спать с этой бабой! А ведь была красотка! Истаскалась. Только бы не захотела обратно в его постель.

– Женя, у меня так мало шансов. Роль второго плана. Подруга главной героини. Но если я появлюсь на экране, это будет начало моей карьеры! Мне только двадцать пять!

– Давай начистоту: ты не умеешь играть.

– Но это же сериал! Всего лишь сериал! Я за Оскаром не гонюсь, меня и «мыло» устроит. Лишь бы на кусок хлеба заработать. В конце концов, я не так уж много прошу. Ты же можешь все, Роцин. Неужели тебе меня не жалко?

– А ты... Ты подумала, как я жил эти полтора года?! С тобой?! Пахал, как проклятый, а дома у меня даже тарелки супа не было! Я приходил, усталый, и видел только грязь, пустой холодильник, и ванну, полную киснущего белья! Тебе не было меня жалко?! Ты – женщина... – тут он словно захлебнулся.

– Женя... Я была дура. Я жалею об этом.

– Жалеешь... – он уже взял себя в руки. Усмехнулся: – хорошо хоть так. Ладно, я тебе помогу. Кто режиссер?

– Женя...

Она расслабилась и откинулась на спинку кресла. На лбу выступила испарина. Потом Сашенька поспешно полезла в сумочку.

– Вот визитка.

Он с некоторой брезгливостью взял карточку, глянул в нее, усмехнулся и потянулся к телефону. Через пять минут сказал:

– Роль твоя. Но чтобы больше я тебя не видел. Убирайся!

Она вскочила.

– Убирайся, – повторил Роцин.

В дверях Сашенька обернулась:

– Женя, если ты хочешь, мы могли бы...

Ее выразительный взгляд досказал остальное. Роцин вновь почувствовал, как к горлу подступила тошнота.

– Я очень занят, – сухо сказал он. – И у меня ревнивая жена.

– Насколько я знаю, вы разъехались.

– Ах, ты навела справки! Тогда надеюсь, ты знаешь, что у меня есть любовница?

– Она же старуха!

– Вон! Va-t'en! – сказал он таким тоном, что Сашенька выскочила из кабинета как пробка. Бывший муж переходил на французский язык в моменты наивысшего раздражения. Это она помнила. После таких слов обычно следовала пощечина.

– Incroyable! – сквозь зубы сказал Евгений Роцин, когда захлопнулась дверь. – Невероятно! Elle dura complète! И я должен уступить! Полная дура, – повторил он уже по-русски, постепенно успокаиваясь.

Никому он не позволит так говорить о Марго. Старуха!

Тебе до этой старухи далеко! Так далеко, что...

Он подумал, что если бы не шантаж, покуражился бы над бывшей госпожой Рощиной всласть. Она даже не догадывается, что кроется за тем крохотным эпизодом. Какие грандиозные планы. На этом фундаменте выстроено здание его успеха. Этот бой надо выигрывать во что бы то ни стало.

Иначе он не Евгений Роцин...

повторная атака

На то, чтобы заметить очевидное, приехавшим сотрудникам уголовного розыска понадобилось гораздо больше времени, чем ему. Леонидов начал терять терпение. Работали они медленно и чрезвычайно небрежно.

Все понятно: Белкин определен в главные подозреваемые. У двери черного хода лежит его портсигар. Важная улика. А почему тогда она заперта, эта дверь, в то время как входная открыта? И какой лестницей воспользовался убийца, когда выходил? Возможно, что у него был ключ.

Алексей проверил: дверь черного хода можно закрыть только при помощи ключа. Либо запереть изнутри. Если просто захлопнуть, она останется открытой. Лестница ведет не во двор, а на противоположную сторону улицы. Маленькая такая улочка, которую можно пересечь, оставшись незамеченным, юркнуть под арку и воспользоваться проходным двором. Если у убийцы был ключ, он именно так и поступил.

Но откуда у него ключ? Возможны варианты. Значит, надо опрашивать соседей. Искать случайных свидетелей. Рутинка. Не факт, что будет результат. Не факт.

А кто у нас соседи? В том-то и дело! Простые люди здесь не живут. Попробуй, допроси известного певца или владельца нотариальной конторы! В которую тоже обращаются люди не простые. Здесь осиное гнездо. Потревожь его – в тебя вонзятся сотни жал. Поэтому опера и работают так небрежно. Есть подозреваемый, и хорошо.

А вот Белкин, похоже, попал. За него возьмутся всерьез.

– И как впечатление? – тронул его за плечо Барышев.

– Медленно работают. Пора опрашивать соседей. Чего они тянут?

– А что это даст? Видал, какие стены! Хоть из пушки пали – никто ничего не услышит!

И Барышев согнутым пальцем постучал по стене. С сожалением сказал:

– А говорят: современные технологии, современные технологии! Вот где технологии! Сколько десятков лет уже стоит, а? Нет, мы не совершенствуемся, мы упрощаемся.

– В простоте совершенство, – усмехнулся он.

– Чего?

– Я говорю, дело простое и вместе с тем практически не раскрываемое. Голова у кого-то варит. Я о двух трупах.

– Да тут же все очевидно, – отмахнулся Барышев.

– Пойдем, поговорим с охранником.

– Ты чего, Леха? Это же самодеятельность!

– А ты не кричи. По тихому. А эти пусть работают.

Он с усмешкой посмотрел на низенького, кургузого капитана, с важностью прохаживающегося по квартире. Это ж надо! Убит Евгений Рошин! Заколот дуэльной шпагой! Будет о чем рассказать!

Они с Серегой по-тихому выскользнули на площадку. Барышев, сопя, затопал по лестнице. У подъезда стояла толпа. Согласно теории А. А. Леонидова, который считал, что три человека – это уже толпа. Солировала дворничиха в оранжевом жилете. Захлебываясь, она рассказывала, что убили известного режиссера.

– Жена, – решительно взмахнула она метлой. Словно приговор подписала. – Больше некому.

– Заказали, – поддержала ее старушка в белоснежном парике. Сморщенное, как у обезьянки, личико окружали букли, старинная шаль была сколота у горла огромной брошью с камнем зеленого цвета. К ногам старушки жалось голое существо отвратительного вида, на четырех дрожащих тоненьких ножках. Существо было одето в голубой жилет.

– Мужика не поделили с Риткой, – поджала губы дама в кожаном френче. Из-под френча выглядывали спортивные штаны с лампасами, из-под штанов модные остроносые туфли. На руках у дамы сверкали многочисленные браслеты и кольца. Там же, на руках, пристроилось другое странное

существо. По виду кот, пушистый, белоснежный, но стриженный под пуделя. Львиная грива, хвост с кисточкой на конце и выстриженные до гладкости ноги. Леонидов смотрел во все глаза. Картина, ему представшая, была чрезвычайно живописной. Не говоря уже о том, как озвучено!

– Ритка – это кто? – спросил Серега Барышев, подходя к толпе.

Дама ойкнула и спустила с рук кота. Вид у Сереги был внушительный. Кот оказался больше собаки. Ибо голое существо в жилете Леонидов после некоторого раздумья отнес к породе собачьих.

– Брысь, – сказала старушка, потому что кот начал жаться к левретке. Или как ее там?

– Да что вы, Анна Тихоновна, он у нас кастрированный! – сказала дама.

Леонидов опешил: она думает, что их можно скрестить? Кота и левретку? Впрочем, как знать. Ты, Господи, большой шутник!

– Ритка – это Женькина любовница, – ответила дворничиха. – Они чуть ли не с детства хороводятся.

– Да-да, – подтвердила старушка, подхватив на руки левретку. Кто знает, что там с котом? – Риточка Лепаш – прелестная девочка. Они живут в нашем доме вот уже много лет. Я помню еще ее бабушку...

– Анна Тихоновна, какая девочка! – всплеснула руками дворничиха. – Ей, небось, под сорок! И кто это они? Порт-

ниха-то Лепаш, ее мать, два года как скончалась!

– Леха, запомни: Маргарита Лепаш, – сказал Барышев. И рывкнул: – Номер квартиры?

– Третий подъезд, второй этаж, дверь налево, – по-военному отчеканила дворничиха.

– Значит, любовница Евгения Рощина живет в соседнем подъезде, – покачал головой Алексей. – Что тут скажешь? Удобно. А жена? Где живет его жена?

– Они разъехались, – тут же вмешалась в разговор хозяйка кота. – Валерия Станиславовна живет в загородном доме.

– Разъехались или официально разошлись? – уточнил Алексей.

– О, молодой человек! – тряхнула буклями старушка. – Это не так-то просто, когда речь идет о такой даме, как Валерия Станиславовна! Они же подписывали брачный контракт! Не то, что нынешняя молодежь. Все наспех, все кое-как. И никаких обязательств.

– А вы откуда знаете? О контракте? – подозрительно спросила владелица кота.

– У Валерии Станиславовны прелестная собачка. Персидский грифон по кличке Гарольд. В то время, как я выгуливала Бетси, она выводила Гарольда. Несколько раз нам удалось побеседовать, в то время как собаки делали свои дела. Вот на этой самой лавочке мы и сидели.

Острый подбородок указал на стоящую у подъезда скамейку. Массивные ножки, похожие на львиные лапы, изо-

гнутая спинка, в узоре чугунного литья которой можно прочесть и королевские лилии и вензеля. Настоящий трон! Но трон такой длины, что при желании на нем может уместиться маленькая королевская династия. Значит, на этой самой лавочке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.